

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет Международных отношений
Кафедра Перевода и межкультурной коммуникации
Направление 45.04.02 Лингвистика
Магистерская программа: Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой

_____ Т.Ю. Ма
« _____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса
(на материале американского варианта английского языка)

Исполнитель

студент группы 535-ом _____ Е.Л. Загайнова
(подпись, дата)

Руководитель

доцент, канд. филол. наук _____ И.Г. Ищенко
(подпись, дата)

Нормоконтроль

профессор, докт. филол. наук _____ Т.Ю. Ма
(подпись, дата)

Рецензент

доцент, канд. филол. наук _____ Т.В. Шуйская
(подпись, дата)

Рецензент

доцент, канд. филол. наук _____ М.В. Карапетян
(подпись, дата)

Благовещенск 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет Международных отношений
Кафедра Перевода и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой

_____ Т.Ю. Ма

« _____ » _____ 2017 г.

ЗАДАНИЕ

к выпускной квалификационной работе студента Загайновой Елены Леонидовны

1. Тема выпускной квалификационной работы: Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале американского варианта английского языка)

(утверждена приказом от _____ № _____)

2. Срок сдачи студентом законченной работы _____

3. Исходные данные к выпускной квалификационной работе: труды таких исследователей дискурса, лингвистики и дипломатии, как А.Ф. Борунков, Л.М. Терентий, Е.И. Шейгал, Н.И. Формановская, А.А. Данилова, Х. Трабелси, К.А. Логунова, Т.А. Волкова

4. Содержание выпускной квалификационной работы (перечень подлежащих разработке вопросов): рассмотрение понятий «дипломатия» и «дискурс», соотношение дипломатического и политического видов дискурса, выявление языковых особенностей дипломатического дискурса, анализ лингвопрагматических характеристик дискурса дипломатии

5. Перечень материалов приложения: (наличие чертежей, таблиц, графиков, схем, программных продуктов, иллюстративного материала и т.п.) _____

6. Консультанты по выпускной квалификационной работе (с указанием относящихся к ним разделов) _____

7. Дата выдачи задания _____

Руководитель выпускной квалификационной работы: Ищенко Ирина Геннадьевна, доцент, канд. филол. наук

(фамилия, имя, отчество, должность, ученая степень, ученое звание)

Задание принял к исполнению (дата): _____

РЕФЕРАТ

Магистерская работа содержит 99 с., 102 источника.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ДИПЛОМАТИЯ, БРИФИНГ, ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Цель данной работы заключается в выявлении специфических лингвопрагматических особенностей устного вида дипломатической коммуникации на материале американских пресс-конференций Государственного департамента Соединенных Штатов Америки.

Объектом исследования послужили лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса, предметом – лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса США.

В работе были использованы методы сплошной и частичной выборки, метод наблюдений, интерпретационно-контекстуальный метод и метод количественных подсчетов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в своих речах дипломаты оперирует целым комплексом языковых средств, оказывающих рече-воздействующую функцию и способствующих успешной коммуникации с аудиторией. Этот успех во многом определяется тем, насколько данные средства способны затронуть сознание аудитории.

Данная работа состоит из введения, двух основных глав, заключения и библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1 Дипломатия в рамках дискурсивного анализа	9
1.1 Сущность дипломатических отношений и понятие «дипломатия»	9
1.2 Понятия «дискурс» и «дипломатический дискурс»	12
1.3 Соотношение дипломатического и политического дискурсов	20
1.4 Жанры дипломатической речи и дипломатическая документация	31
1.5 Язык дипломатии	34
2 Анализ устной публичной формы дипломатического дискурса	41
2.1 Характеристика брифинга. Коммуникативное поведение спикера	41
2.2 Лингвистические особенности брифинга	54
Заключение	86
Библиографический список	89

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению устной разновидности языка дипломатии на основе анализа его лингвистических особенностей, представленных на разных языковых уровнях.

Актуальность предпринятого исследования определяется подходом к исследованию дипломатического дискурса. В настоящий момент в научной литературе отмечается недостаточная изученность языковых явлений, выполняющих речевоздействующую функцию в условиях сложившихся политических реалий. Данная работа связана с изучением не абстрактной языковой системы, а живой речи в условиях реального общения. Помимо этого актуальность работы связана и с выбором периода для анализа материала с декабря 2016 по апрель 2017 г., так как он освещает текущие проблемы в отношениях между странами.

Основная **цель** исследования заключается в выявлении специфических лингвопрагматических особенностей устного вида дипломатической коммуникации на материале американских пресс-конференций Государственного департамента Соединенных Штатов Америки. Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть понятие «дипломатия»;
- 2) рассмотреть понятия «дискурс» и «дипломатический дискурс»;
- 3) сравнить дипломатический и политический дискурсы как разновидности институционального вида дискурса;
- 4) рассмотреть жанры дипломатической речи и дипломатической документации;
- 5) дать общую характеристику языка дипломатического дискурса;
- 6) проанализировать специфику организации пресс-конференции коммуникативного поведения дипломата;

7) выявить языковые особенности дипломатического дискурса на синтаксическом и лексико-семантическом уровнях и их прагматическую обусловленность.

Объектом исследования послужили лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса, а **предметом** – лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса США.

Гипотеза исследования: брифинг является самостоятельным жанром дипломатического дискурса, который характеризуется особой структурой построения и языковыми особенностями, определяемыми прагматическими установками.

Выбор **методов исследования** обусловлен целью настоящей работы и характером поставленных задач. Среди основных методов использовались:

- метод сплошной выборки;
- метод частичной выборки;
- метод наблюдения;
- контекстуально-интерпретационный метод;
- метод количественных подсчетов.

Научная новизна данной работы состоит в выборе материала для исследования. Рассматриваемая нами устная разновидность дипломатического дискурса в форме брифингов, организованных Государственным департаментом США за последние несколько месяцев с участием представителей средств массовой информации, не подвергалась ранее лингвистическому анализу.

Степень научной разработанности темы: проблемы дипломатического дискурса и его языковые особенности описаны в ряде исследований, как в отечественной (Борунков А.Ф., Терентий Л.М., Кожетева А.С., Логунова К.А., Волкова Т.А.), так и в зарубежной лингвистике (Т. Ван Дейк, Слембрук С., Сатоу Э., Мелиссен Ж., Скотт Б., Магамбо К.). Однако до сих пор тема выявления и проведения анализа лингвопрагматических особенностей устной разновидности языка дипломатии считается недостаточно разработанной.

Материалом настоящего исследования послужили стенографии пресс-конференций Государственного департамента Соединенных Штатов Америки с 1 декабря 2016 по 13 апреля 2017 г. (DailyPressBriefings и DepartmentPressBriefings), а также их видеозаписи. В общей сложности за этот период анализу подверглись 37 брифингов. **Источником** для отбора указанных пресс-конференций стал официальный сайт Госдепартамента США www.state.gov.

Положения, выносимые на защиту:

1) дипломатический дискурс является разновидностью институционального дискурса, в котором адресант является субъектом института дипломатии и представляет внешнеполитические интересы государства;

2) устная публичная форма дипломатической коммуникации характеризуется интердискурсивностью, так как дипломатический дискурс взаимодействует с политическим и масс-медийным институциональными дискурсами;

3) брифинг как жанр дипломатического дискурса обладает собственными конститутивными признаками и лингвопрагматическими особенностями.

Теоретическая значимость представленной работы заключается в том, что ее результаты вносят определенный вклад в теорию языковых исследований в целом и в разработку проблем лингвопрагматических характеристик дискурса. Логика и методика описания языковых средств и особенностей могут стать примером для научного анализа других типов текстов, как в дипломатическом дискурсе, так и в других видах дискурсивных практик.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности использования полученных в ней результатов в различных лекционно-семинарских занятиях по лексикологии, грамматике, стилистике английского языка и другим дисциплинам. Результаты и выводы исследования помогут сформировать навык определения скрытого языкового воздействия в других видах дискурса.

Выбор темы обусловлен интересом автора к живой речи, функционирующей на уровне межгосударственных отношений.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на XXVI научной конференции «День науки - 2017» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 20.04.2017) и на XXVIII региональной научно-практической конференции «Молодежь XXI века: шаг в будущее» (г. Благовещенск, Благовещенский педагогический университет, 18.05.2017).

Тема диссертации нашла отражение в двух публикациях:

1. Дипломатия и жанры дипломатической речи / Е.Л. Загайнова // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции (18 мая 2017 года) – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – 1335 с.

2. Использование специальной лексики в американском дипломатическом дискурсе (на материале брифингов Государственного департамента США) / Е.Л. Загайнова, И.Г. Ищенко. – «Вестник АмГУ» № 78 (раздел «Лингвистика»).

Структура работы определяется целью и поставленными задачами исследования. Данная диссертация состоит из введения, двух основных глав, заключения и библиографического списка.

1 ДИПЛОМАТИЯ В РАМКАХ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

1.1 Сущность дипломатических отношений и понятие «дипломатия»

Многовековая история развития международных отношений позволила сформировать важнейшие основные правила взаимодействия среди представителей разных стран. Это взаимодействие, нацеленное на достижение целей и отстаивание интересов государства на международной арене, носит название дипломатии.

Этимология слова «дипломатия» восходит к древнегреческому «сложенный вдвое (письменный документ)».¹ Так называли сдвоенные дощечки с нанесенными на них текстами, которые выдавались посланцам с целью особого подтверждения их полномочий. И, несмотря на то, что дипломатия как особая сфера общественной жизни существует с давних времен, для обозначения деятельности глав государств в области внешних сношений это слово начинает использоваться и основательно входит в употребление с конца XVIII века.

Дипломатия укоренилась в государственной деятельности на рубеже XVI-XVII веков. В то время при дворах монархов появились постоянные дипломатические уполномоченные, а в государственной системе – специальные органы, занимавшиеся ведением переписки между правителями, приемом иностранных делегаций и послов, переговорами и т.п. Природа и виды дипломатической деятельности странна тот момент позволили некоторым дипломатам и ученым квалифицировать дипломатию как «применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств»

---

¹Кожетева А.С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса / А.С. Кожетева // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. – 2012. – Вып. 1 : Сер. Совр. лингв. и мет.-дид. исслед. – С. 55.

(Сатоу Э.)², как «науку о внешних сношениях или иностранных делах государства, а в более узком смысле – науку или искусство переговоров» (МартенсГ.)³, а также как «науку о взаимных интересах и отношениях государств или искусство взаимно согласовывать интересы народов, а в более точном смысле – науку или искусство переговоров» (Гарден).⁴

В наши дни дипломатию определяют как официальную деятельность глав правительств, государств, специальных органов внешних сношений и их зарубежных представительств по проведению переговоров, осуществлению переписки, организации невоенных практических мероприятий, учитывая определенные условия и характер решаемых задач ради отстаивания целей внешней политики, защиты интересов и прав государства, его организаций и граждан за границей.

В сущности, дипломатия – это официальная деятельность правительства по осуществлению внешней политики государства⁵, т.е. это тоже политика, но внешняя. Это деятельность чиновников, дипломатов, представителей посольств и консульств, а также торговых, культурных, туристических организаций; деятельность, основанная на знании внешнеполитической ситуации и применении ораторского искусства. Дипломатические функции выполняют и члены правительств, руководители крупных ведомств, партий, фирм, образовательных учреждений – все те, кому приходится иметь отношения с иностранными государствами.

С понятием «дипломатия» связывают искусство ведения переговоров в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, поис-

---

²Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. Перевод с английского / Э. Сатоу. – М. : Изд-во ИМО, 1961. – С. 5.

³Цит. по : Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России / А.Ф. Борунков. –3-е изд., доп. – М. : Международ. отношения, 2007. – С. 8.

⁴Цит. по : Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России / А.Ф. Борунков. –3-е изд., доп. – М. : Международ. отношения, 2007. – С. 8.

⁵Логунова К.А. Язык дипломатии как язык для специальных целей / К.А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7. - С. 125.

ков компромиссов взаимоприемлемых решений, а также расширения и углубления международного сотрудничества.⁶

В дипломатическом словаре дипломатия определяется как «средство осуществления внешней политики государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач; официальная деятельность глав государств и правительств, министров иностранных дел, ведомств иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом, делегаций на международных конференциях по осуществлению целей и задач внешней политики государства, защите прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей».⁷

Являясь частью внешней политики, дипломатия не сводится лишь к проведению переговоров.

Как отмечает А.Ф. Борунков, дипломатия активно использует весь арсенал мирных средств, накопленных международной практикой: встречи, совещания, конференции глав государств на двусторонней и многосторонней основе, а также встречи глав правительств, министров иностранных дел. Она вносит в них свое содержание и свой стиль – деловитость, конструктивность, уважение к правам и интересам партнеров, то есть соединяет политику с общечеловеческими нормами нравственности.⁸

В работе ведомств иностранных дел дипломатическая переписка занимает одно из ключевых мест. Ноты, заявления, памятные записки входят в перечень важных политических документов, помогающих решать многочисленные внешнеполитические задачи, готовить различные акции.

Общепринятым является тот факт, что дипломатическая переписка ведется на языке своей страны. Однако в том случае, если необходимо как можно бы-

---

⁶Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России / А.Ф. Борунков. – 3-е изд., доп. – М. : Междунар. отношения, 2007. – С. 9.

⁷Громько А.А. Дипломатический словарь : в 3 т. / А.А. Громько, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1986 г. – С. 327.

⁸Борунков, А. Ф. Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. – 3-е изд., доп. – М. : Междунар. отношения, 2007. – С. 11.

стрее довести содержание документа до адресата, к официальному тексту часто прилагают перевод на иностранный язык. Это также помогает избежать возможных неточностей, которые можно допустить при переводе оригинала.

А.Ф. Борунков подчеркивает, что посольства могут вести переписку с Министерством иностранных дел на языке своей страны. Но это правило не универсально. Посольства нередко ведут переписку на языке страны пребывания или прилагают к оригиналам переводы документов на этот язык.⁹

Тем не менее, одного лишь владения иностранным языком, включая знания лексики, грамматики и стилистики недостаточно для успешного ведения международной коммуникации и получения желаемых результатов. Отсутствие навыков ведения переписки, коммуникации и поведения в международной сфере, а также неумение пользоваться специальными речевыми приемами ведет к нарушению правил дипломатического протокола, и, следовательно, может привести к срыву переговоров или, в крайнем случае, к ухудшению взаимоотношений между государствами. Трудности подобного рода не раз возникали при взаимодействии представителей различных национальностей, этносов, культур. Потребность предупреждения и преодоления межнациональных, межрелигиозных и межкультурных конфликтов заставила руководство государств ввести обязательные курсы по истории, этикету и культурологии для своих дипломатических представителей. Как правило, это делается перед направлением дипломатов за границу. В некоторых странах существует практика годичных языковых стажировок для сотрудников дипломатических ведомств. В этом случае, сотрудники направляются на стажировку в те страны, куда они позже планируют вернуться в качестве дипломатов. Такой опыт нацелен на формирование «фоновых знаний», подразумевающих понимание реалий жизни той или иной страны, а также представление о картине мира, присущей ее народу.

Все вышеизложенное дает нам право с уверенностью утверждать, что современный дипломатический дискурс приобрел междисциплинарный характер.

---

⁹Там же. С. 89.

Но прежде чем перейти к подробному рассмотрению дипломатического дискурса, обратимся сначала к теории дискурса и рассмотрим само понятие «дискурс».

1.2 Понятия «дискурс» и «дипломатический дискурс»

Изучению данного феномена посвящено большое количество исследований. В настоящий момент термин *дискурс* достаточно широко применяется в научной литературе, существует множество работ, посвященных изучению этого явления. Однако языковеды до сих пор не пришли к единому определению этого понятия.

Приведем несколько трактовок и определений этого явления.

Термин *discourse analysis* впервые был введен основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа Зеллигом Харрисом в 1952 году и рассматривался как высказывание, сверхфразовая единица в контексте других единиц и связанной с ними социокультурной ситуации.¹⁰ Французские лингвисты К. Арош, П. Анри, М. Пешё, не соглашаясь в полной мере с толкованием понятия «дискурс», сформулированным З. Харрисом, пытаются применить предложенный им метод в отношении корпуса текстов.¹¹

В итоге, во французской традиции складывается понимание дискурса как «интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социально-культурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах».¹²

В статье Н.В. Гороховой «Проблема многозначности понятия «дискурс»» отмечается, что «Дискурс (франц. *discourse*, англ. *discourse*) — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

- 1) связный текст;

---

¹⁰ Горохова Н.В. Проблема многозначности понятия «дискурс» / Н.В. Горохова // Омский научный вестник. – 2014. – Вып. 4 : Сер. Фил. науки. – С. 90.

¹¹ Цит. по : Горбунова М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. – 2012. – Вып. 27 : Сер. Язык. – С. 246.

¹² Рыжкова Л.П. Французская прагматика / Л.П. Рыжкова. – М. : URSS, 2007. – С. 166.

- 2) устно-разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность — письменная или устная».

Существует и определение, в соответствии с которым «дискурс (от франц. *discourse* — речь) — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагмалингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь».¹³

Другой российский филолог В.И. Карасик понимает под дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический.¹⁴

По мнению В.В. Красных, дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.¹⁵

Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь».¹⁶ Дискурс – это явление, исследуемое в режиме текущего времени, то есть по мере его появления и развития, и при его анализе необходимо учитывать все социальные,

---

¹³Горохова Н.В. Проблема многозначности понятия «дискурс» / Н.В. Горохова // Омский научный вестник. – 2014. – Вып. 4 : Сер. Фил. науки. – С. 91.

¹⁴Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 191.

¹⁵ Цит. по : Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – Вып. 26. – С. 27.

¹⁶Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.

культурологические и прагматические факторы. Поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно.¹⁷ Однако Е.Ф. Киров предлагает снять последнее ограничение и объясняет это фактом присутствия прошлого в настоящем и его способностью детерминировать многие события в настоящем и будущем. По Е.Ф. Кирову, дискурс – это совокупность письменных и устных текстов на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования.¹⁸ Очевидно, что позиция Е.Ф. Кирова близка к выводам Н.Д. Арутюновой в том смысле, что дискурс – это совокупность письменных или устных текстов и ситуации их создания и актуализации.¹⁹

По мнению Г.Я. Солганика, дискурс можно определить как текст, взятый во взаимосвязи с живой жизнью, с социальными и психологическими характеристиками говорящих, с событийным контекстом.²⁰

Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова трактуют дискурс как когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст видится им как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму.²¹

Г.Н. Манаенко замечает, что «термин «дискурс» с самого начала своего появления всеми учёными применялся для исследования и описания явлений, относящихся к речи (в смысле сосюрговской дихотомии язык – речь)».²²

Термин возникает в исследованиях совершенно закономерно – как попытка связать понятия «язык», «речь», «речевая деятельность», «языковая (ре-

---

¹⁷ Там же. С. 136– 137.

¹⁸ Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс/ текст – концепт / Е.Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК : сб. ст. – Волгоград, 2003. – С. 16 – 24.

¹⁹ Каменская Т.Н. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] / Т.Н. Каменская // Филологические науки : материалы конф. – Гродно, 2012. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm. – 14.05.2017.

²⁰ Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты / под. ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 268 с.

²¹ Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 186 – 197.

²² Способы отображения коммуникативных интенций публициста: вводно-модальные конструкции / под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2012. – С. 401.

чевая) личность» в единое целое – как способ обновления методологии анализа языковых явлений.²³

Показательна статья С. Слембрука «Что значит «анализ дискурса»?», автор которой привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию.²⁴

Таким образом, можно заключить, что на современном этапе, несмотря на то, что исследования в области дискурса ведутся на протяжении уже более полувека, интерес к этому явлению не иссякает. И связано это, прежде всего с тем, что рассматриваемое понятие не имеет четких границ.

В данной работе мы будем придерживаться мнения, что дискурс по своей природе является сложным явлением, которому присущи с одной стороны, смысловая однородность, уместность, соотнесенность с определенным языковым инструментарием, идеологической и жанровой принадлежностью, так как он ассоциируется с потоком связной речи, а с другой стороны, он является средой коммуникации и затрагивает психологические, социальные, культурные и другие ментальные процессы ее участников.

Говоря о классификациях дискурса, В.И. Карасик выделяет два основных типа – персональный (или личностно-ориентированный) и институциональный.²⁵ В персональном адресант является личностью со всем богатством внутреннего мира, в институциональном – представителем конкретного социального института. Среди наиболее исследованных видов институционального дискурса в лингвистической науке выделяются массово-информационный, политический, научный, религиозный, педагогический, деловой, рекламный и некоторые другие.

---

²³ Горбунова М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – Вып. 27 : Сер. Язык.–С. 246.

²⁴ Slembrouck S. What Is Meant by Discourse Analysis.URL : <http://www.umsl.edu/~wilmarthp/mrpc-web-resources/discourse-analysis.pdf>. –06.05.2017.

²⁵ Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 255.

Вернемся теперь к дипломатической разновидности дискурса.

В статье Л.М. Терентия «Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации» отмечается, что теория дискурса уже давно стала объектом междисциплинарного изучения и исследуется в философии и логике, психологии и социологии, в работах по искусственному интеллекту, в политологии, а также в лингвистике, где значительное место занимают работы, посвященные анализу различных видов дискурсивных практик.²⁶

Любопытным на этом фоне кажется тот факт, что дискурс дипломатии остается малоизученным, хотя данный вид дискурса не может не представлять интерес для лингвистики.

Исследование дипломатического дискурса предполагает выявление его основных характеристик и отличий от других видов коммуникации, сходных с дипломатической коммуникацией по определенным параметрам.

Организация дискурса предполагает наличие в его структуре адресанта и адресата. При этом многие исследователи по-разному называют адресанта (агент) и адресата (клиент, коммуникант, реципиент и др.). Так, «в дипломатическом дискурсе в роли адресанта выступает представитель института дипломатии, либо представители политических кругов государства, вовлеченные в процесс реализации внешней политики государства, защиты его прав и интересов за границей. Адресатом дипломатического дискурса является представитель того же института дипломатии, либо другого института или представитель общества в целом».²⁷ Помимо адресанта и адресата структурную основу дискурса составляют их специфические характеристики и цель их взаимодействия. Иными словами, как отмечает Л.М. Терентий, «дипломатический дискурс – это кто говорит, кому говорит и какую цель ставит перед собой».²⁸ Коммуникация в рамках дипломатического дискурса обязывает ее уча-

---

²⁶ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 47 – 56.

²⁷ Грабелси Х. Дипломатическая переписка и ее характеристики [Электронный ресурс] // eLibrary.ru : научная электронная библиотека. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=18337081&>. – 01.05.2017.

²⁸ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 47.

стников строго соблюдать правила письма, проявлять себя не отдельной личностью, а представителем института, обладающим определенным статусом. Любой дипломатический документ должен отражать точку зрения государства, отодвигая на второй план личные характеристики человека и его собственные взгляды.

Не менее отличительным при этом остается адресат дипломатического дискурса, т.е. тот, кому предназначено сообщение или документ. Так, в статье Л.М. Терентия «Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации» автор говорит, что в качестве клиента в дипломатическом дискурсе может выступать «как самая широкая массовая аудитория (в том случае, когда различные дипломатические события и решения освещаются в СМИ), так и достаточно узкий круг лиц – дипломатические работники различных рангов, которые принимают участие в переговорах».²⁹

Характер агента и клиента в дипломатическом дискурсе обуславливает цель их взаимодействия. С одной стороны, задача агента - проинформировать широкую общественность точке зрения правительства, представляемого им государства на определенные международные проблемы, как в своей стране, так и за ее пределами. В подобной ситуации дипломатический дискурс носит публичный характер и представляет собой специфическую форму политической деятельности. С другой стороны, целью агента действия является достижение соглашения между различными участниками общения по вопросам международной политики, установление отношений между странами на основе взаимной выгоды, согласование их интересов, расширение сотрудничества, ограничение конфликтов и т.д. В данном случае дипломатический дискурс – это закрытый процесс переговоров, которые готовятся и проводятся с опорой на конкретные теоретические положения и практические разработки теории коммуникации, конфликтологии, психологии общения и т.д., а поэтому могут рас-

---

²⁹Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 48

сма­тривать­ся как специ­фическая научная дея­тель­ность со­труд­ни­ков ди­пло­ма­ти­че­ско­го ко­р­пу­са.³⁰

Цель и си­ту­а­ция ди­пло­ма­ти­че­ско­го об­ще­ния оп­ре­де­ля­ют ком­му­ни­ка­тив­ный ас­пект вы­ска­зы­ва­ния, его от­дель­ные ре­че­вые ак­ты и жанр в це­лом. Од­на­ко ком­му­ни­ка­тив­ная со­став­ля­ю­щая – это лишь одна из сто­рон лю­бо­го ре­че­во­го вы­ска­зы­ва­ния. Парал­лель­но с ком­му­ни­ка­тив­ным ас­пек­том, т.е. «с кон­крет­ной си­ту­а­цией ре­че­во­го об­ще­ния со все­ми ин­ди­ви­ду­аль­ны­ми об­сто­я­тель­ства­ми его»³¹ про­ис­хо­дит и пе­ре­ход мы­сли в сло­во (по Вы­гот­ско­му Л.С.), вы­ра­жа­ю­щий­ся в пе­ре­во­де ко­гни­тив­ных об­ра­зо­ва­ний, оп­ре­де­ля­е­мых пред­ме­том об­суж­де­ния (си­ту­а­цией-те­мой, по Ле­он­ть­е­ву А.А.), в язы­ко­вые струк­ту­ры. Та­ким об­ра­зом, це­лост­ное ре­че­вое про­из­ве­де­ние об­ъе­ди­ня­ет в се­бе ком­му­ни­ка­тив­ный, ко­гни­тив­ный и язы­ко­вой ас­пек­ты. В со­во­куп­но­сти эти ас­пек­ты от­ра­жа­ют внут­рен­нюю про­грам­му вы­ска­зы­ва­ния, су­ще­ст­вую­щую в соз­на­нии от­дель­ной язы­ко­вой лич­но­сти и пред­став­ля­ю­щую со­бой «иерар­хию про­по­зи­ций, ле­жа­щих в его ос­но­ве».³²

Как под­чер­ки­ва­ет А.А. Ле­он­ть­ев: «Эта иерар­хия фор­ми­ру­ет­ся у го­во­ря­ще­го на ба­зе оп­ре­де­лен­ной стра­те­гии ори­ен­ти­ро­в­ки в опи­сы­ва­е­мой си­ту­а­ции, за­ви­ся­щей от «ко­гни­тив­но­го ве­са» то­го или ино­го ко­м­по­нен­та си­ту­а­ции».³³ Дру­ги­ми сло­ва­ми, на­ли­чие еди­ной те­мы об­ще­ния, как и на­ли­чие оди­на­ко­вой це­ли, не озна­ча­ет, что пси­хо­ло­гическая струк­ту­ра си­ту­а­ции-те­мы в соз­на­нии го­во­ря­щих и слу­ша­ю­щих, от­ли­ча­ю­щих­ся по сво­им пси­хо­ло­гическим ха­рак­те­ри­сти­кам, бу­дет оди­на­ко­вой. Имен­но это об­сто­я­тель­ство по­зво­ля­ет нам вы­де­лить еще один па­ра­метр в об­щей струк­ту­ре ди­пло­ма­ти­че­ско­го дис­кур­са – язы­ко­вую лич­но­сть ди­пло­ма­та, – ком­му­ни­ка­тив­ные, ко­гни­тив­ные и язы­ко­вые осо­бен­но­сти ко­то­ро­го, в ко­неч­ном ито­ге, оп­ре­де­ля­ют успех всей ком­му­ни­ка­ции.

Та­ким об­ра­зом, ди­пло­ма­ти­че­ский дис­кур­с может рас­сма­тривать­ся как осо­бая форма ком­му­ни­ка­тив­ной дея­тель­но­сти, глав­ное от­ли­чие ко­то­рой от дру­

---

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Бахтин М.М. Проб­ле­мы поэ­ти­ки Дос­то­е­вско­го / М.М. Бахтин. – Соб­р. соч. : в 7 т. – Т. 6. – М. : Рус­ские сло­ва­ри, 2015. – С. 256.

³² Ле­он­ть­ев А.А. Ос­но­вы пси­хо­лин­г­висти­ки / А.А. Ле­он­ть­ев. – М. : Litres, 2017. – С. 114.

³³ Там же. С. 114.

гих видов коммуникации заключается в ее разнонаправленном характере, что обусловлено различными целями и задачами, реализуемыми в разных контекстах – публичном и закрытом. Специфика контекста, и, соответственно, специфика адресата – широкая массовая аудитория либо равный, подготовленный и обладающий информацией партнер, – определяет социальную модель взаимодействия, а сам ход взаимодействия, возможность реализации поставленных целей, выбор речевых стратегий и особенности употребления языковых средств непосредственно зависят от степени развития языковых личностей, участвующих в общении.

1.3 Соотношение дипломатического и политического дискурсов

Если говорить о соотношении дипломатического и политического дискурсов, то здесь необходимо отметить, что публичная форма дипломатической коммуникации по многим своим характеристикам совпадает с политическим дискурсом.

Больше всего связь дипломатии и политики прослеживается в том, что они являют собой преимущественно речевые действия, при этом язык здесь – это средство отражения политической действительности и компонент поля политики. Важно также то, что язык служит «потаянным источником власти»,³⁴ который позволяет оказывать прямое влияние на течение событий. Иными словами, и в дипломатической, и в политической коммуникации язык не только влияет на отношения между странами, но создает особенное, желаемое странами и соответствующими политическими силами, понимание политической реальности, как в публичном сознании, так и в сознании партнеров по переговорам.

Второй фактор, который обуславливает сходство данных видов дискурсов, – некое совпадение целей данных видов речевых практик. Однако, это

---

³⁴ Ажеж К. Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки : пер. с фр. / К. Ажеж. – 2-е изд., стереот. – М. : Едиториал УРСС, 2008. – С. 192.

сходство не совсем очевидно, и его можно обнаружить в процессе сравнительного анализа.

На первый взгляд, цели политики и дипломатии значительным образом отличаются друг от друга. Если политическая коммуникация нацелена, в основном, на борьбу за власть, то в задачи дипломатической входит защита интересов государства и его граждан. Хотя рассмотрение международных документов обнаруживает, что фактически под выражением «защита интересов» может подразумеваться установление контроля над своими партнерами, устремление занять лидирующие позиции на мировой арене, не принимая во внимание точки зрения других участников коммуникации и применяя разнообразные формы давления на международные организации и мировое сообщество в целом. Именно такое поведение характерно для «новой» линии дипломатии Соединенных Штатов, которые выступают за сотрудничество на паритетных началах с другими государствами, а на самом деле «исходят из того, что мир должен быть таким, каким его хотят видеть Соединенные Штаты».³⁵

Такая цель дипломатической коммуникации сближает его с политическим дискурсом. Она понимается как любая передача сообщений, суть которых сводится к открытому рассмотрению нескольких основных вопросов: «а) распределение общественных ресурсов; б) контроль за принятием решений/право принимать решения (судебные, законодательные, исполнительные); в) применение санкций (право наказывать или награждать)».³⁶

Ввиду схожести целей вытекает еще один момент, связывающий политический и дипломатический дискурсы – сходство языковых функций и их реализация.

Это замечание касается главным образом общеязыковой функции, которая определяет характер языка. Как отмечает Е.И. Шейгал: «Политический дискурс, наряду с религиозным и рекламным, входит в группу дискурсов, для ко-

---

³⁵ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций / В.И. Попов. – 2-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2010. – С. 451.

³⁶ Denton R.E.Jr., Woodward G.C. Political Communication in America. New York: Praeger, 1998. – С. 14.

торых ведущей является регулятивная функция».³⁷ Эта же функция характерна и для публичной (открытой) формы дипломатического дискурса. Под ней понимается такая разновидность устного общения в обстановке официальности, при которой большому числу слушателей передается та или иная информация.³⁸ Она отличается от непубличной (закрытой) по цели коммуникации, способу достижения этой цели, ситуации существования и особенностям их адресата.

Как и политический язык, дипломатический дискурс наделен инструментальной функцией,³⁹ призванной выполнять несколько задач:

1) формировать определенное понимание действительности у участников коммуникации (функция ориентации). Человек обеспечивается способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты;

2) осуществлять массовое влияние и создавать единую точку зрения и общее мышление среди большинства граждан, а также приводить к осознанию принадлежности к общности, той или иной социальной и т.п. (функция интеграции и социальной дифференциации);

3) призывать к деятельности, активизировать и организовывать сторонников, отвлекать внимание населения (акциональная функция).⁴⁰

Считается, что открытая форма дипломатического дискурса нацелена на формирование общественных взглядов по целому ряду международных вопросов. В этом и прослеживается ее сходство с политическим дискурсом, которое заключается в том, чтобы убедить адресатов в потребности предпринимать правильные политические действия или оценки, т.к. это может быть выгодно стремящемуся к власти. Сначала адресант дипломатического дискурса определенным образом интерпретирует информацию, которую затем передает адресату, создавая при этом благоприятную «почву для убеждения»⁴¹ общественности в

---

³⁷Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – С. 34.

³⁸ Андрианов М.С. – Невербальная коммуникация: психология и право / М.С. Андрианов. – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2007. – С. 115.

³⁹ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 49.

⁴⁰ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 49.

⁴¹ Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Издательский центр ИНИОН РАН. – 2002. – Вып. 3 : Сер. Пол. наука. – С. 39.

верности своей позиции, (функции интерпретации и ориентация) и одновременно обозначая своих единомышленников и противников (функция интеграция и дифференциации). В дальнейшем происходит формирование стратегии поведения с оппонентом (функция агональности). В дипломатическом дискурсе, как и в политической коммуникации, все перечисленные функции проявляются в подборе оценочной лексики, например, *to be at an impasse* (быть в тупике), *significant interest* (значительный интерес), *barbaric chemical weapons attacks* (нанесение ударов с применением варварского химического оружия) и политических терминов с идеологической окрашенностью: *threaten peace* (угрожать миру), *sanctions regime* (режим санкций), *military component* (военный компонент) а также через специальные маркеры,⁴² которые указывают на функцию или свойство, например, маркеры «свой - чужой», маркеры «отзеркаливания» мнения и другие.

Чтобы лучше понять специфику дипломатического дискурса, рассмотрим один пример, взятый из выступления посла США Дэниела Бэера на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене 5 марта 2015 г. о содержании сотрудника эстонской полиции под стражей в России:

«Соединенные Штаты глубоко обеспокоены продолжающимся содержанием под стражей российскими властями сотрудника эстонской полиции Эстона Кохвера. [...]

Мы по-прежнему серьезно обеспокоены развитием событий по данному делу, в том числе очередным продлением срока его содержания под стражей, теперь до 5 апреля, и назначением психиатрической экспертизы для господина Кохвера.

Мы по-прежнему обеспокоены тем, что российские власти не смогли своевременно разрешить это дело и обеспечить немедленное освобождение господина Кохвера и его возвращение в Эстонию. Мы вновь призываем Россию вернуть господина Кохвера в Эстонию немедленно и не причиняя ему вреда».

---

⁴² Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 50.

В этом коротком сообщении посол Бэер говорит о захвате эстонского полицейского и создает почву для убеждения общества в том, что действия российских властей неправильны (ориентация). Неоднократно употребляя личное местоимение «мы», Бэер на первый взгляд выражает не своё личное мнение, а точку зрения целого государства, интересы которого он уполномочен представлять перед представителями других стран (функция интеграции и дифференциации), а с другой стороны, он так или иначе имплицитно выражает свою интенцию. Бэер убеждает в правильности своей позиции тем, что употребляет такие фразы, как «глубоко обеспокоены», «серьезно обеспокоены», «по-прежнему обеспокоены», «российские власти не смогли своевременно разрешить это дело и обеспечить», «мы вновь призываем Россию» и другие, в которых завуалировано неодобрение действиям российских властей. Все они включают в себя элементы нагнетания обстановки, усиливают эффект экспрессивно-эмоционального воздействия и содержат идеологическую коннотацию антироссийских настроений. А использование специальных маркеров «мы» (США) - «они» (российские власти) лишь усиливает эффект политического оппозиционирования.

Если сравнивать, к примеру, содержание опубликованных в СМИ дипломатических переговоров и некоторых видов политической коммуникации, то можно заметить, что оба эти вида языковых практик имеют размытые, нечеткие границы.

Несмотря на то, что обе формы общения относятся к институциональному типу дискурса, современные перемены в обществе накладывают на них некоторый отпечаток и сближают их с другими видами дискурсивных практик.

Эта связь прослеживается в сходстве с функциями других видов дискурса – дискурсом масс-медиа, педагогическим, юридическим, религиозным и некоторыми другими.

Благодаря произошедшим изменениям в мире за последние десятилетия дипломатическая коммуникация тоже не могла не измениться. К наиболее важным событиям можно отнести период перестройки, когда на месте СССР обра-

зовалось сразу несколько государств; обостренные межгосударственные конфликты по поводу обладания ядерным оружием; угрозу терроризма; мировой финансовый кризис и многие другие. Все эти осложнения и перемены международной ситуации привели к тому, что на современном этапе развития дискурс дипломатии приобрел новые отличительные признаки.

Во-первых, отстаивание вопросов государства стало тесно переплетаться с решением экономических, финансовых и коммерческих вопросов.

Во-вторых, существенно возросла роль средств массовой информации, которые, с одной стороны, широко освещают вопросы дипломатии, а с другой, – оказывают непосредственное влияние на общественность и мгновенно фиксируют общественное мнение. Благодаря этому дипломатия становится более открытой и доступной. Как отметил в своем выступлении в Королевском институте международных отношений бывший министр иностранных дел Великобритании М. Рифкинд: «Информационное общественное давление должно сказываться параллельно с дипломатической деятельностью и быть ее составной частью».⁴³

В современном мире дипломаты вынуждены все чаще прибегать к контактам со СМИ, так как их задача – информировать общество о мнении правительства, которое они представляют и освещать вопросы международной политики с точки зрения государства, а не отдельных лидеров или партий, борющихся за власть и отстаивающих более узкие интересы.

Однако на сегодняшний день существенную долю дипломатических переговоров занимают главы государств и правительств, и их личные качества сложно переоценить в решении международных проблем.

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что границы дипломатического дискурса в настоящее время значительно расширились и стали менее четкими. Кроме особенностей, присущих политическому дискурсу,

---

⁴³ Цит. по: Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 50.

в нем все чаще обнаруживаются характеристики, типичные для других видов дискурса.

Дипломатия и торговля изначально были близки в силу того, что сама дипломатия появилась из торговли. Но со временем дипломатия стала частью политики, а многие дипломатические службы испытывали трудности во взаимодействии с консульствами и торговыми представительствами.

В последние несколько лет положение существенно изменилось. Дипломатия переориентировалась на экономическое расширение благодаря росту товарного обмена, увеличению финансовых операций между государствами, упорочению разнообразных связей между государствами, а также появлению международных корпораций, общих организаций, международного туризма и т.д. В дипломатии на первое место после государственной безопасности и территориальной целостности страны вышли торговля, иностранные инвестиции и все то, что благоприятным образом сказывается на благосостоянии, уровне и качестве жизни.

Все это не может не отражаться на содержании дипломатического дискурса.

Переговоры в области международной торговли, несомненно, являются дипломатическими, и они преследуют не только политические, но и экономические интересы. Сюда же относятся и переговоры касательно концепций развития экономических связей между государствами, организации зон свободной торговли, создания платежных и таможенных союзов и других межгосударственных финансовых систем.

В этом случае характеристики политического, дипломатического и экономического дискурсов накладываются друг на друга в рамках одного текста.

В то же время развитие отношений между странами на современном этапе невозможно без подписания различных соглашений о взаимодействии по развитию общей инфраструктуры, многочисленных совместных проектов, общих капиталовложений и т.п. Поэтому подобные переговоры и соглашения являются результатом дискурсивной деятельности не только политиков, дипло-

матов и экономистов, но и специалистов юридических наук. Таким образом, в сфере международного права происходит «пересечение» дипломатического и юридического дискурсов.

Исследователями дипломатического дискурса отмечается, что точкой его соприкосновения с военным дискурсом «являются такие жанры, как военная доктрина, военно-политическое соглашение, ультиматум, мирные переговоры, т.е. жанры, обеспечивающие идеологию и ход военных действий с позиций воюющих сторон».⁴⁴

Что касается взаимоотношений дипломатического дискурса с дискурсом масс-медиа, то их связь в современном мире совершенно очевидна. Как уже отмечалось, основой сближения этих видов дискурсивных практик является, во-первых, тяготение сегодняшней дипломатии к проявлению объективности и открытости, во-вторых, – увеличение числа средств массовой информации, а также их влияние на формирование общественного мнения. Так, сегодня дипломаты прибегают к помощи масс-медиа, чтобы проинформировать широкую аудиторию о различных проблемах и ситуациях и дать ей возможность оценить происходящее. В данном случае масс-медиа играют роль своеобразного средства, обеспечивающего информирование общества по вопросам международной деятельности.

Также необходимо подчеркнуть, что политический дискурс представлен в средствах массовой информации в значительно большей степени, чем дипломатический дискурс. Однако дипломатический дискурс тесно переплетается с политической коммуникацией, о чем свидетельствуют публикуемые в СМИ статьи, выступления и интервью дипломатов, послов, представителей дипломатического корпуса и т.д.

В исследованиях, посвященных изучению дипломатического и политического дискурсов, авторами научных публикаций отмечается еще один общий для них признак – театральность.

---

⁴⁴Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – С. 32.

Данное свойство достаточно хорошо изучено в рамках политического дискурса. Исследователями отмечается, что его основу составляет целый ряд факторов: 1) восприятие политики как своего рода социальной игры; 2) фрагментарная форма подачи политических событий; 3) ритуальность политических действий, ведущая к тому, что любое политическое событие воспринимается как театральное действие, происходящее на «жизненной сцене»; 4) широкое применение театральных метафор для интерпретации политической коммуникации.⁴⁵

В равной степени данными факторами определяется театральность публичной формы дипломатического дискурса.

Известно, что широкая публика воспринимает дипломатию как цепочку светских церемоний, с присущими им роскошью и бездельем.

По большому счету, театральность задается сюжетом театрального фрейма (выступление, заявление, интервью, пресс-конференция, беседа с представителями прессы) и ролями адресата и адресанта (особенности представителя дипломатического института и массовой аудитории).

Вышеназванные сюжеты театрального фрейма могут быть представлены речевыми жанрами дипломатического и политического дискурсов.

Таким образом, публичная форма дипломатического дискурса имеет много общего с политическим дискурсом. Об этом свидетельствуют общность их целей, использование одних и тех же языковых функций, а также такие особенности, как размытость границ, театральность и сходство речевых жанров.

И напротив, как отмечает Л.М. Терентий, существует несколько факторов, не позволяющих отождествлять политическую и дипломатическую коммуникацию. Их основное отличие заключается, преимущественно, в особенностях социального института и его представителей.⁴⁶ Если, согласно М. Эгеру, под социальным институтом понимать «социально узаконенные специальные навыки или знания вместе с теми людьми, которые уполномочены проводить их в

---

⁴⁵Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – С. 33.

⁴⁶ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 53.

жизнь» (a socially legitimated expertise together with those persons authorized to implement it),⁴⁷ то в дипломатической языковой практике к этому институту относится совсем небольшая группа людей, являющихся, как правило, представителями дипломатического корпуса. Его верхушку составляют высшие государственные служащие, наделенные властью и наиболее полной информацией, занимающиеся сразу и политическими, и дипломатическими делами.

Открытость дипломатии дает право говорить об увеличении круга ее целевой аудитории. Если данное общение нацелено на массового адресата, то в этом случае дипломатический дискурс выполняет те же функции, что и политический:

- функция создания видения действительности с помощью языковых средств (интерпретация и ориентация);
- функция управления сознанием (контроль);
- функция передачи информации (information dissemination), создание повестки дня (agenda setting) и др.

В том случае если же коммуникация направлена на равноправных по статусу партнеров, то преобладающими становятся функции информирования и побуждения к действиям.

В целом, исследователи сходятся во мнении, что информативность основана на новизне содержания, прагматическому назначению и адекватности в передаче информации. Этим критериям противопоставляется шаблонность сообщения, или, иными словами, – ритуальность.

Коммуникация в рамках политического дискурса, как отмечают специалисты, ритуальна, и, соответственно, ей зачастую недостает новизны. Ее отсутствие компенсируется предубежденностью и эмоциональной импульсивностью, при этом влияние и оценка, обычно, довлеют над фактами.

---

⁴⁷ Цит. по: Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 53.

Публичная форма дипломатической коммуникации представлена двумя видами информативности: распространение информации для массовой аудитории и подлинная информативность. Первый вид информативности связан с ритуальностью, демонстрацией внешней оценки, и даже предвзятостью и достигается построением некоторой когнитивной модели для последующего ее восприятия адресатом. Второй вид информативности проявляется в подборе речевых форм дискурса, которые были бы абсолютно прозрачными для специалиста.⁴⁸

При сопоставлении дипломатического и политического дискурсов относительно оси «информативность – эмотивность», первый будет больше тяготеть к информативности, нежели политическая коммуникация.

Это еще подтверждается тем, что дипломатический дискурс в меньшей степени представлен для широкой общественности, нежели политический. При этом созданию эмотивности в политическом дискурсе способствуют паралингвистические (невербальные) средства, такие как фото, карикатуры, графики, которые дополняют вербальную информацию и формируют мнение адресата через призму оценки отправителя данной информации.⁴⁹

То же самое касается и «смысловой неопределенности – понятийной точности». В политическом дискурсе смысловая неопределенность связана целой группой семантических и прагматических факторов.⁵⁰ К первым относятся широта значений, идеологическая полисемия, относительность обозначения, абстрактность, относящаяся к градуальной семантике размытость границ слов. Прагматическими факторами являются манипулятивность, стремление говорящего оправдать себя в глазах окружающих, избежать конфликтных ситуаций контролировать свои действия, а также основные функции языка политики.

---

⁴⁸ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 53.

⁴⁹ Курбаналиева М.М. Соотношение информативности и эмотивности в политическом дискурсе (на материале текстов британских СМИ) [Электронный ресурс] / М.М. Курбаналиева // Филологические науки. Язык, речь, речевая коммуникация : материалы конф. – Дагестан, 2010. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/21_NNP_2010/Philologia/70742.doc.htm. – 17.05.2017.

⁵⁰ Цит. по: Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 53.

Подводя итог вышеизложенному, заметим, что политический и дипломатический виды дискурсов имеют множество точек пересечения: язык как основное орудие политики и дипломатии, сходство целей и языковых функций, нечеткие границы и связь с другими дискурсивными практиками, театральность. В то же время нам представляется не совсем приемлемым отождествлять эти виды дискурсов, поскольку они имеют и некоторые различия: в обеих сферах разный по объему круг представителей и целевой аудитории, разное превалирование функций, для политики больше характерны ритуальность, эмотивность и понятийная точность, а для дипломатии – информативность, новизна и смысловая неопределенность. В данной работе при рассмотрении дипломатического и политического дискурсов в одной плоскости мы предлагаем придерживаться той точки зрения, что политический дискурс в данном случае носит более широкий характер, а дипломатия, как часть и средство осуществления внешней политики, является неким вариантом или подвидом политического дискурса и носит более узкий характер.

Вместе с тем дипломатический вид дискурса воспроизводит разнообразные связи деятельности глав государств и общества, нацеленные на отстаивание интересов государства за границей. Исследование этого вида дискурса позволяет проанализировать, каким образом эти интересы отражаются в языке и формируют образ конкретного государства в сознании мирового сообщества. К преимуществам дипломатического дискурса относится использование таких коммуникативных средств, которые являются самыми действенными в общении и одновременно согласующимися с социальными нормами и общепризнанными стандартами. Из этого следует, что огромное значение в функционировании дипломатического дискурса имеет степень развития коммуникативных навыков языковой личности, включая речевые жанры, речевые и этические нормы и речевую культуру в целом.

По своей сути, публичная форма дипломатической коммуникации является лишь видимой частью институционального вида дискурса. Большая ее часть не предназначена для широкого обсуждения и носит скрытый характер.⁵¹

1.4 Жанры дипломатической речи и дипломатическая документация

К формам дипломатического дискурса можно отнести различные жанры в процессе межгосударственной коммуникации. Многие исследователи считают, что формы, в которых осуществляется общение, зависят от того, что известно о получателе (получателях) информации. Это означает, что адресант должен ориентироваться на получателя информации, а не на ее источник. А когда отправитель информации является ее источником, он должен не только говорить на одном языке с получателем информации, но и правильно подбирать форму коммуникации. То есть необходимо, чтобы адресат сообщения правильно оценивал форму получения информации, а также важность обратной связи.

Часть исследователей выделяют два основных этапа развития взаимодействия в дипломатическом дискурсе: дотекстовый этап – переговоры, встречи, обсуждения и т.д. и текстовый – фиксация результатов переговоров на бумажном или ином носителе, принятие документа в качестве официального.⁵² В некоторых источниках отмечается, что дипломатическое взаимодействие может проводиться как в форме непосредственных бесед на встречах, совещаниях, различных международных конференциях и форумах, так и в письменном виде путем обмена соответствующими дипломатическими документами (нотами, меморандумами, памятливыми записками и т.п.).⁵³

Как отмечает А.Ф. Борунков, на современном этапе развития дипломатии высшие руководящие лица государств редко обмениваются обычными обращениями друг с другом. Все чаще они прибегают к такой форме обмена мнениями

---

⁵¹ Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 54.

⁵² Кожетева А.С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса / А.С. Кожетева // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. – 2012. – Вып. 1 : Сер. Совр. лингв. и мет.-дид. исслед. – С. 61.

⁵³ Сардачук П.Д. Дипломатическое представительство: организация и формы работы / П.Д. Сардачук, О.П. Кулик. – К. : Украина, 2001. – С. 62.

как телевизионные переговоры, позволяющие сделать этот процесс качественным и практически без задержек во времени.⁵⁴

До сих пор дипломатия зачастую отождествляется с процессом ведения переговоров. Предметом переговоров могут являться региональные проблемы одной страны, затрагивающие интересы других стран, как например, экологические катастрофы, акты терроризма, распространение оружия и наркотиков, освоение космоса и вод мирового океана, борьба с самыми опасными заболеваниями и т.п. Ярким тому подтверждением является создание и деятельность таких международных организаций как ООН, Совет Европы, ОБСЕ и др. Однако современное состояние дипломатии не сводится к разрешению конфликтных или спорных ситуаций. Сегодня дипломатические встречи проводятся для обмена мнениями относительно различных межгосударственных мероприятий, для поддержания контактов на межгосударственном уровне и регулирования международных отношений в целом.

Зачастую обсуждение многих важных проблем двусторонних и многосторонних отношений проходит в кулуарах международных организаций, во время проведения заседаний, конференций, форумов и других мероприятий.⁵⁵

Правилам проведения международных встреч и переговоров, соблюдению протокола и всех неотъемлемых при этом процедур уделяют первостепенное значение в дипломатической практике, что является условием успеха в многосторонней дипломатии.

Речи выступающих дипломатов и политических деятелей стенографируются и при необходимости переводятся на языки участников. В основном взаимодействие в дипломатической сфере нацелено на то, чтобы как можно четче изложить свою позицию и убедить другую сторону или стороны в принятии определенного решения на этой основе. При этом каждая из стран-участниц стремится к достижению выгодных, прежде всего для себя результатов.

---

⁵⁴Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России / А.Ф. Борунков. –3-е изд., доп. – М. : Междунар. отношения, 2007. – С. 63.

⁵⁵ Сардачук П.Д. Дипломатическое представительство: организация и формы работы / П.Д. Сардачук, О.П. Кулик. – К. : Украина, 2001. – С. 64.

Не менее важным этапом является работа над составлением итоговых документов, общепринятых в международной практике (протоколы, соглашения, договоры, декларации, заявления и т.п.), отражающих решения участников встречи. Но зачастую, для выработки совместного документа дипломатам приходится идти на компромиссы, учитывая общие интересы. Поэтому очевидно, что принятию окончательных документов часто предшествует обсуждение большого количества проектов и предложений. После этого стороны договариваются о порядке публикации результатов переговоров или встречи, обсуждают вопрос об информировании СМИ своих стран.

Этот процесс завершается принятием вышеупомянутых заключительных документов или когда становится ясно, что достигнуть договоренностей не удастся в результате противоречий. В большинстве случаев независимо от исхода встречи завершающим этапом становится принятие совместного коммюнике для публикации в средствах массовой информации.

Таким образом, жанры политического/дипломатического дискурса принято подразделять на две категории: устные (беседы, встречи на совещаниях, различных международных конференциях и форумах) и письменные (личные и вербальные ноты, заявления, памятные записки, меморандумы).

В данной работе перед нами встает вопрос, действительно ли дипломатические речи имеют свои неповторимые, специфические особенности? Подобно военным речам они к чему-то призывают, и так же, как и политические, стремятся преобразовать общество, улучшить внешнюю политику государства.

Общеизвестно, что за стол переговоров садятся самые опытные дипломаты, когда осложняется внешнеполитическая ситуация. «Настоящий дипломат в любое время может оказаться в «горячей точке» и проявить качества профессионального военного и дальновидного политика. По замыслу дипломатические речи не назовешь импровизированными. Дипломат находится в определенное время в определенном месте и четко знает, по какому плану необходимо действовать, но бывают и непредвиденные ситуации, например, в военное время, и здесь доля импровизации в речевой деятельности ритора высока.

1.5 Язык дипломатии

Процесс установления дипломатических контактов между государствами существенно упрощается при знании правил поведения, следованию протокола и соблюдению правил этикета народа.⁵⁶

При обострении межгосударственных отношений больше всего проявляются культурные отличия. В спорных политических ситуациях дипломаты часто прибегают к использованию разнообразных тактик и стратегий, которые способствуют атмосфере неопределенности и двусмысленности. Подобное поведение нацелено на создание «запасного выхода» независимо от дальнейшего развития событий. Такая тактика находит отражение в языковом плане и может проявляться в различных дипломатических документах и устных выступлениях дипломатических представителей. В своей работе дипломатам крайне важно учитывать политику в стране пребывания, культуру этой страны и ее порядки.⁵⁷

Все это дает право с уверенностью говорить о существовании особого стиля, являющегося частью официально-делового стиля речи, а именно – дипломатического подстиля.

Согласно Н.И. Формановской, функциональный стиль имеет свои стандарты, заданные набором синтаксических и лексических единиц и их соединением в структуры текста, клишированными выражениями.⁵⁸ Любой функциональный стиль состоит из произведений различных жанров, обладающими своими характерными чертами. При этом официально-деловому стилю присущи сжатость, стандартное расположение материала в логической последовательности, широкое использование терминологии и т.д. Несмотря на то, что деловые документы неоднородны по своей тематике и представлены разнообразными жанрами, их язык должен придерживаться требований официально-деловой речи. Все без исключения формы делового письма строго подчинены

---

⁵⁶ Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Х. Трабелси ; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – М., 2013. – С. 65.

⁵⁷ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций / В.И. Попов. – 2-е изд., доп. – М. : Междунар. отношения, 2010. – С. 34

⁵⁸ Формановская Н.И. Речевое общение : Коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – С. 182.

литературной норме. В них недопустимо употребление языковых выражений разговорного и просторечного характера, диалектных и профессионально-жаргонных слов, нелитературной и эмоционально-экспрессивной лексики. Помимо этого, для официально-деловой речи английского языка характерно употребление отглагольных существительных, например: information (от глагола toinform), assistance (от глагола toassist), confirmation (от глагола toconfirm) и др.

По мнению Г.Я. Солганика, официально-деловой стиль делится на три подстиля: дипломатический, документальный, обиходно-деловой.⁵⁹ Рассмотрим подробнее дипломатический подстиль. Мы сталкиваемся с ним в дипломатических документах (ноты, верительные грамоты, меморандумы, заявление правительства и т.п.) и устных видах дипломатических практик (пресс-конференции, переговоры, встречи на высшем уровне, телефонные разговоры и др.). В нем традиционно используется специальная лексика, зафиксированная в различных терминологических словарях, в том числе и дипломатических. Большая часть этой лексики относится к интернациональным словам и выражениям латинского происхождения: *de jure, de facto, status quo, personae grata / personae non grata* и т.п., а также международная аббревиатура, состоящая из первых букв иностранного названия, например, ЮНЕСКО – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры).⁶⁰

Для данного подстиля характерно использование особой терминологии, стандартных клише и этикетных фраз. Наряду с этой особенностью в современных языках термины лишаются своей однозначности и переходят в разряд полисемичных слов. В целом язык дипломатии представляется в виде сложно-организованной системы, в состав которой входит лексика и термины из разных областей, от собственно дипломатических, до лингвистических и юридиче-

---

⁵⁹ Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г.Я. Солганик. – 2-е изд. – М. : Академия, 2004. – С. 6.

⁶⁰ Солтановская Т.В. Интернационализмы в дипломатической терминологии современного русского языка [Электронный ресурс]: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Т.В. Солтановская; Ленинградский ордена Ленина и ордена трудового красного знамени государственный университет. – Ленинград, 1990. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/402675/a/#?page=1>. – 21.05.2017.

ских. Но необходимо отметить, что в понятие «язык дипломатии» входит не только терминосфера дипломатии; это язык, на котором осуществляется международное взаимодействие на высшем уровне и составляются официальные дипломатические документы. Он влияет не только на состояние дел в дипломатической коммуникации, но и призван создавать особое видение межгосударственных отношений, как в сознании партнеров, так и в обществе, например, провоцировать желаемую реакцию у адресата, скрывать нежелательную информацию, создавать атмосферу неопределенности или сглаживать острые углы.

Язык и культура разных стран в значительной степени влияют на дипломатический стиль. К тому же, на него оказывают влияние некоторые общие правила, сложившиеся в международной практике общения. По мнению Х. Трабелси, протокол официальной переписки, целью которого является оказать адресатам корреспонденции знаки уважения, на которые они имеют право, при соблюдении в то же время соотношения рангов между отправителем и адресатом, строится таким образом, чтобы отношения между государствами и их представителями основывались на равенстве, уважении и взаимной корректности. Все эти правила подлежат обязательному и точному соблюдению официальными представителями государств.⁶¹

Общеизвестно, что официально-деловой стиль служит средством официального документообращения между государствами. В нем используются строгие стандарты языкового выражения, стандартные языковые обороты, клише и термины. Они, как правило, не имеют синонимических замен и стремятся к однозначности, исключая двойное толкование.

Говоря о лексике и терминологии, необходимо добавить, что иногда слова в дипломатии получают свое особое значение. Так, например, слово *protocol* является многозначным, и для каждой отдельной сферы употребления у этого слова имеются свои значения: для юриспруденции – это

---

⁶¹Трабелси Х. Дипломатическая переписка и ее характеристики [Электронный ресурс] // eLibrary.ru : научная электронная библиотека. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=18337081&>. – 01.05.2017.

«a summarized document or the minutes of a meeting that are initialed by the parties present to indicate the accuracy of the document or minutes»⁶², т.е. запись о произошедших событиях, для медицины – «medical guidelines for a medical treatment»⁶³ или план лечения заболевания, в информатике – «the set form in which data must be presented for handling by a particular computer configuration, esp in the transmission of information between different computer systems»⁶⁴, иными словами, стандарт с описанием правил взаимодействия функциональных блоков при передаче данных, а в речи дипломатов – это «the formal etiquette and code of behaviour, precedence, and procedure for state and diplomatic ceremonies»⁶⁵ (совокупность общепринятых обязательных правил, традиционно соблюдаемых в международном общении).

Дипломатический подстиль отличается от документального и обиходно-делового наличием в нем торжественной, высокой лексики, которая придает документу подчеркнутую значимость. Помимо этого в нем часто встречаются формулы вежливости протокольного характера, общепринятые в межгосударственном общении: *Dear Sir/ Ladies and Gentlemen...*, *I should be grateful if you would*, *I would kindly ask you to...* или *...take this opportunity to convey...*, *the assurance in its highest consideration...* и др. А обращения к высокопоставленным особам требуют указания их титулов и званий (*His Majesty, His Highness, Her Majesty Queen, His Excellency* и др.). Одновременно формулы вежливости приносят в документ элемент торжественности и высокого стиля. В словарях это отражается пометой «приподн.» (приподнятый стиль) или «высокое». По словам А.Ф. Борункова, в случае, когда одна из сторон отказывается от употребления формул вежливости, то другая сторона поступает также, основываясь на принципе взаимности. Однако, сложившаяся международная практика показывает, что некоторые страны предпринимали попытки отказаться от этикетных формул вежливости, но они

⁶² TheFreeDictionarybyFarlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/protocol>. – 16.06.2017.

⁶³ TheFreeDictionarybyFarlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/protocol>. – 16.06.2016.

⁶⁴ ABYY Lingvo 12. Электронный словарь.

⁶⁵ ABYY Lingvo 12. Электронный словарь.

не нашли большой поддержки, так как подавляющая часть государств придерживается правил оказания уважения в дипломатической переписке.⁶⁶

Кроме того, дипломатический стиль не обходится без употребления конструкций со сложной синтаксической связью, включая высокую концентрацию однородных членов предложения, причастные и деепричастные обороты, вводные и обособленные выражения, инфинитивы и т.д. Все это делает язык дипломатии компактным по форме и емким по содержанию. На письме такие конструкции могут быть представлены в виде одного сложного предложения, разбитого на несколько абзацев. При этом каждый абзац может начинаться с большой буквы, как, например, преамбула Устава Организации Объединенных Наций или некоторые пункты статей Устава МАГАТЭ.

Разного рода дипломатические документы, речи и выступления имеют строгие формы начала и окончания. Так, личная нота имеет форму персонального служебного письма и всегда пишется от первого лица. Как правило, она начинается со слова *Dear*, и заканчивается комплиментом. Текст вербальных нот составляется от третьего лица, в нем недопустимы резкие высказывания, риторические обороты речи и сокращения в виде «etc.», «i.e.».

Дипломатические документы ощутимо различаются по стилю написания в зависимости от своей разновидности. В.И. Попов и другие исследователи подчеркивают, что внутренняя переписка характеризуется ясностью, краткостью и отсутствием двоякого смысла, в то время как на межгосударственном уровне характерны соблюдение осторожности, сдержанности, чувство такта, употребление особых терминов, фраз и клише, принятых в дипломатическом языке.⁶⁷

Многие ученые дают различные трактовки языку дипломатии. Для него характерны не только точность в описании событий, а также глубокий анализ действий правительства и политики.

---

⁶⁶Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России / А.Ф. Борунков. – 3-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 88.

⁶⁷Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2010. – С. 89.

«В русской дипломатической среде говорят, что дипломатический язык – язык пушкинской прозы: сжатый, точный, без вычурности».⁶⁸

В книге «Протокол и этикет дипломатического и делового общения» Э.Л. Кузьмин дает две трактовки дипломатического языка:

- 1) «язык официальных дипломатических сношений»;
- 2) «совокупность специальных терминов и фраз, образующая общепринятый в мире дипломатии словарь».⁶⁹

Таким образом, в дипломатии, как и в любой другой профессии, выработан свой специфический стиль написания документов и произнесения речей. В данной работе мы будем придерживаться мнения, что дипломатический стиль – это некое сочетание научного, строгого аналитического и литературного стилей. Дипломатические документы характеризуются простотой, отсутствием вычурности, где каждая мысль плавно вытекает из предыдущей и являет собой обоснованное и убедительное изложение с присущими ему логичностью и научной объективностью.⁷⁰ Разумеется, это не исключает некоей красноречивости и образности языка, но исключает повторение одних и тех же или однокоренных слов.

Как уже отмечалось выше, с понятием «дипломатия» часто связывают процесс ведения переговоров с целью разрешения конфликтных ситуаций, достижения договоренностей и поиска компромиссных решений, а также поддержания и расширения международных контактов. Г. Николсон обращает внимание, что «дипломатия – это искусство письменное, она, как и всякая специальность вырабатывает свой профессиональный язык, свой стиль».⁷¹ Несомненно, что на дипломатическую переписку внутри и за пределами своей страны тратится немало времени, но и устное слово в дипломатии обладает своим весом.

---

⁶⁸Трабелси Х. Дипломатическая переписка и ее характеристики [Электронный ресурс] // eLibrary.ru : научная электронная библиотека. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=18337081&>. – 01.05.2017.

⁶⁹Кузьмин Э.Л. Протокол и этикет дипломатического и делового общения / Э.Л. Кузьмин. – М. : ДА МИД России, 1996. – С. 90.

⁷⁰Желнова И.Л. Язык дипломатии в жанровой системе современного русского языка [Электронный ресурс] / И.Л. Желнова. Режим доступа : http://yspu.org/conferences/the_person_in_information_field_2011/Zhelnova.pdf. – 29.04.2017.

⁷¹Николсон, Г. Дипломатическое искусство / Г. Николсон, А. Богомолов. – М. Изд-во инстит. межд. отнош., 1962. – С. 71.

2 АНАЛИЗ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ФОРМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1 Характеристика брифинга. Коммуникативное поведение спикера

Исследователями в области дипломатии отмечается, что за последние несколько десятков лет в этой сфере прослеживается тенденция информационной открытости. Наиболее значимые события в отношениях между государствами все чаще освещаются в СМИ и сети Интернет. Данное явление получило название «публичной дипломатии» (англ. вариант – «publicdiplomacy»). С публичной дипломатией связывают целый комплекс мероприятий, целью которых является информирование широкой аудитории и создание общественных настроений в отношении осуществления внешней политики. Одним из ключевых компонентов публичной дипломатии является взаимодействие официальных лиц с представителями средств массовой информации и их участие в пресс-конференциях.

В настоящем исследовании мы попытались провести лингвопрагматический анализ дипломатического дискурса на материале официального сайта Государственного департамента США (www.state.gov). Известно, что язык является действенным и необходимым средством контроля над обществом. Его умелое использование позволяет формировать общественное мнение относительно событий, фактов, действующих лиц, и как следствие – отстаивать

интересы своего государства на международной арене.⁷² С целью изучения дипломатических дискурсивных практик мы отобрали речевые корпуса из указанного интернет-источника в разделе «Ежедневные брифинги с участием прессы» (DailyPressBriefings, позже – DepartmentPressBriefings).

Значение слова «брифинг» по толковому словарю С.И. Ожегова – «короткая пресс-конференция информативного характера»⁷³, по Толковому словарю иноязычных слов – «краткая пресс-конференция с информацией по актуальным вопросам текущей политики».⁷⁴ В Русском толковом словаре приводится следующее определение этого понятия: «Встреча официальных лиц с представителями средств массовой информации, на которой кратко излагается позиция правительства или каких-нибудь других организаций по определенному вопросу».⁷⁵

Американское внешнее ведомство осуществляет дипломатическую деятельность в различных направлениях. При выборе текстов мы ограничились только устной публичной разновидностью речи на английском языке. Несмотря на то, что дипломатический дискурс предполагает применение целого ряда жанров, как устных, так и письменных, наш выбор обусловлен следующими причинами: во-первых, в научной литературе на современном этапе достаточно широко исследованы письменные жанры дипломатической речи, следовательно, выбор устных жанров представляет большую актуальность; во-вторых, устные выступления дипломатов наиболее полно отражают аспекты дипломатического вида дискурса в сложившихся условиях и с учетом характера конкретных задач для защиты интересов своего государства. На сайте Госдепартамента США данная информация содержится в виде выступлений (Remarks), пресс-релизов (PressReleases), заявлений для прессы (PressStatements) и др.

---

⁷² Маслова В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 204.

⁷³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : Ок. 10 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. - 27-е изд., испр. – М. : ООО «Издательство Оникс», 2010. – С. 101.

⁷⁴ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – С. 143.

⁷⁵ Лопатин В.В. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – С. 49.

При этом можно говорить о такой характеристике внешнеполитического дискурса, как интердискурсивность,⁷⁶ так как в данном случае мы наблюдаем явное влияние дискурса масс-медиа, или дискурса СМИ на ситуации, когда определенные события или ситуации преподносятся массовому получателю с журналистской точки зрения, содержат оценочные характеристики прессы. Интердискурсивность рассматриваемых пресс-конференций проявляется не только в изобилии терминологии, принадлежащей к различным сферам (военной, политической, рекламной, медицинской и другим), но и в том факте, что сама ситуация взаимодействия официальных лиц госдепартамента осуществляется через средства массовой информации с непосредственным участием журналистов. Задавая определенные вопросы, журналисты уже могут закладывать свое видение и понимание межнациональных отношений.

Дипломатическое общение подразумевает устранение любой возможной конфронтации. На это нацелены, прежде всего, устойчивые слова и выражения, взятые из типового дипломатического словаря, а также фразы высокого стиля. Все они придают значимость выступлениям дипломатов. Кроме того, высокий стиль не подразумевает применения невежливых фраз и угроз в открытой форме.

В речи дипломатов присутствуют термины с пометой, отличной от «дип.» (т.е. «дипломатия»). Это связано с тем, что в ходе брифинга затрагиваются темы этих сфер жизни. Однако, устные выступления дипломатических представителей, анализируемых нами в дипломатическом ракурсе, хотя и содержат элементы других дискурсов (СМИ, политического, военного и др.), но, являясь устной публичной речью и обладая характеристиками спонтанной речи, они в большей степени содержат и характеристики дипломатического дискурса.

Как отмечается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, устная публичная речь противопоставляется ее письменной форме. Там же говорится, что спонтанность устной публичной речи проявляется в её структурно-

---

⁷⁶ Прокофьев Г.В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса / Г.В. Прокофьев // Вестник ТГПУ. – 2013. – Вып. 5 : Сер. Язык. – С. 77 – 79.

языковом выражении, в неподготовленности со стороны содержательно-композиционных характеристик, для нее свойственна необратимость во времени и сосредоточение на содержании высказывания, а не на ее форме.⁷⁷ По мнению А.А. Леонтьева, синтаксическая конструкция высказывания в спонтанной речи не задана с самого начала или может быть задана лишь частично (определенной темой, вопросом и т.п.) и достраивается только в процессе порождения высказывания.⁷⁸ Лишь некоторые фрагменты рассматриваемых устных выступлений мы можем отнести к частично подготовленной речи, так как в научной литературе отмечается, что этот вид речи является пересказом, либо произносится с опорой на заранее сделанные конспекты, краткие пометки и т.п. записи⁷⁹. Взятый нами материал мы можем анализировать не только по зафиксированным стенографическим записям, но и основываясь на содержании видеозаписей выступления и ответов спикеров на вопросы журналистов. Данные видеозаписей даются в сопровождении к большинству брифингов и свидетельствуют о том, что выступающие спикеры отвечают на вопросы журналистов в основном без опоры на какие-либо письменные данные. Наличие заранее заготовленных текстов мы обнаружили лишь в тех случаях, когда спикеры делали формальные заявления о мировых событиях с целью передачи уже готовой информации, либо требовали цитирования во время пресс-конференций.

Для проведения анализа с помощью метода сплошной выборки был отобран материал с 1 декабря 2016 по 13 апреля 2017 г. включительно. Выбор этого периода обусловлен актуальностью происходящих в настоящее время событий на мировой арене, затрагивающих отношения между Востоком и Западом, в том числе и российско-американские отношения, а также такие проблемы мирового масштаба, как климатические изменения, подавление терроризма, ядерное оружие и многие другие. Периодичность брифингов носит нечеткий харак-

---

⁷⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 1990. – С. 413.

⁷⁸ Леонтьев А.А., Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М. : URSS, 2014. – С. 201.

⁷⁹ Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М. : Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1999. – С. 415.

тер. Количество брифингов за неделю варьируется от 0 до 5; как правило, они проводятся в будние дни. Всего за этот период нами было проанализировано 37 брифингов. Общий объем исследуемого материала составляет около 634 страниц.

Следует также несколько слов сказать и об организационной структуре американских брифингов. Как правило, каждый брифинг начинается с короткого приветствия (например, «WelcometoStateDepartment», “Hey, everybody”, “Afternoon, everybody...”), за которым следует информационное сообщение спикера о последних событиях, включенных в повестку дня или дается анонсирование предстоящих мероприятий на мировой арене. Это сообщение (анонсирование) часто делается с опорой на заранее подготовленный конспект. Иногда вместе с приветствием спикер начинает брифинг с неформальных бесед на отвлеченные темы, общие для присутствующих, которые также могут вклиниваться в ход брифинга на непродолжительное время. После краткого информирования о недавно произошедших событиях или предварительного оповещения о каком-либо событии присутствующие на брифинге приступают непосредственно к сути пресс-конференции – обсуждению насущных внешнеполитических вопросов. Как правило, это обсуждение носит строгий рамочный характер – журналисты задают вопросы, а спикеры на них отвечают. Заканчиваются брифинги очень кратко, - обычно благодарностью («Thankyou», «Thanks», «Iappreciateit»ит.п.), пожеланием хороших выходных («Haveagreatweekend») или такимипрощальнымифразами как «Takecare», «Great»ит.п.

В отобранном нами материале было задействовано два главных говорящих субъекта – официальный представитель Государственного департамента США, докладчик Джон Кирби и его заместитель, спикер Госдепартамента Марк Тонер, а также представители СМИ. Помимо двух основных участников пресс-конференции проводились с участием других сотрудников госдепартамента США. За указанный нами период среди них была Элизабет Трюдо, директор отдела по связям с прессой.

В ходе брифингов спикеры излагают официальную позицию, делают короткие информационные сообщения по проблемам, касающимся политических, социальных, культурных отношений с той или иной страной, вопросам мира на Ближнем Востоке, внутренних дел департамента, поездок госсекретаря США Дж. Керри и в последующем Р. Тиллерсона, и отвечают на вопросы журналистов, являющихся первым и непосредственным адресатом этих выступлений. Предметы обсуждений и ответы на вопросы задаются политической ситуацией, контекстом и непосредственно вопросами присутствующих на пресс-конференциях журналистов. Вместе с тем необходимо понимать, что представители СМИ играют роль связующего звена в дипломатическом дискурсе между официальными дипломатическими лицами и массовым адресатом. При этом в последнюю категорию входят граждане разных стран.

Основная цель департамента США заключается в формировании и сохранении мирного, процветающего и справедливого мира, а также в обеспечении условий для устойчивого развития во благо американского народа и людей во всем мире. Внешняя политика США состоит в продвижении ценностей свободы и демократии во всем мире. Будучи лидером мировой политики, США могут влиять на ход политических событий, воздействовать на решения политиков, бороться за власть на мировой арене, продвигать свои национальные интересы, обеспечивать безопасность государства, создавать о себе позитивное восприятие в мире и т.п. Все эти прагматические интенции не могут не отражаться в речеспикеров пресс-конференций США с помощью использования различных лингвистических средств.

Эффективность дипломатической коммуникации во многом определяется и коммуникативным поведением дипломата, которое должно соответствовать профессиональным нормам и реализовывать коммуникативную задачу. Это проявляется в выборе тем, последовательности подачи информации, таких характеристиках, как интонация, ритм, тембр голоса и темп речи, спонтанности, конечно, выбор языковых средств, например, использование этикетных фразеологических оборотов (*Ladies and Gentlemen, This is the homage I pay to* и др.).

Дипломатия, как официальная сфера деятельности правительства, является частью политики, влияющей на межгосударственные отношения и, следовательно, требует отдельного внимания к используемым в ней языковым средствам. Отслеживая ее особенности и трансформации на уровне языка, мы можем заранее выявить назревающие в мировом сообществе проблемы и проследить, каким образом и с помощью каких языковых средств дипломаты могут манипулировать аудиторией и конструировать в ее сознании понимание тех или иных событий.⁸⁰ Настоящее исследование направлено на анализ различных языковых аспектов (синтаксических, лексико-семантических, стилистических и др.) с привлечением контент-анализа отобранного материала в рамках представленного дискурса.

Более того, в большинстве случаев именно благодаря языку формируется социальная реальность, потому что через слова происходит понимание различных социальных явлений. Слова выражают мысли и действия различными способами.

Язык во многом воздействует как на широкую аудиторию, так и на официальных представителей, и это воздействие нередко оказывает решающее значение на функционирование дипломатии. Возможность вносить предложения или контр-аргументы, убеждать или высмеивать достигается благодаря свойствам языка, обращенного к гражданам.

Представители дипломатического корпуса отличаются умелым использованием языка и хорошо понимают, что любой акт коммуникации нацелен на то, чтобы адресат понял ту мысль, которую адресант стремится до него донести. Следовательно, дипломатам приходится обдумывать каждое слово, и в своей работе они выбирают такие средства передачи мысли, при которых возможность неправильной интерпретации их речи сводится к минимуму. В первую очередь это связано с тем, что дипломат выступает от имени и представляет интересы своего государства. В своем лице дипломат сохраняет имидж целого го-

---

⁸⁰Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – 3-е изд. – М. : «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – С. 2.

сударства, а его речь отличается высоким чувством достоинства. Дипломаты умеют оказать почтение участникам беседы, которые также могут являться представителями других стран. Во-вторых, на международной арене каждая из стран стремится сохранить и расширить круг своих сторонников, что также непосредственно связано с работой дипломата и то, как они доносят информацию до аудитории. В-третьих, сообщаемая дипломатом информация должна вызвать положительную реакцию со стороны аудитории, чтобы он смог в нужном русле воздействовать на общественное мнение по тому или иному вопросу. Поэтому дипломату так важно соблюдать не только установленные правила этикета и протокола, но и быть особенно осторожным в выборе языковых средств и построении предложений.

В международном общении существуют такие темы и вопросы, касаться которых не принято. Они относятся к так называемым дипломатическим табу (угрозы, оскорбления, обвинения и др. агрессивные действия). Как отмечает Кярт Юхасоо-Лоуренц, среди дипломатов есть некоторые вопросы, о которых не принято говорить. Их анализируют в узкоспециализированных журналах и обсуждают на закрытых конференциях.⁸¹ При рассмотрении брифингов нам приходилось сталкиваться с такими ситуациями. Многие из них были похожи на явное уклонение от ответа и умалчивание.

В аспекте прагмалингвистики наше внимание привлекает то, как спикеры уходят от ответов на некоторые вопросы журналистов. При этом мы выяснили, что спикеры прибегают к таким приемам, как тактики обобщения, уклонения или противодействия. Способ обобщения сводится к тому, чтобы дать неточный или неполный ответ, но при этом оставить впечатление у аудитории, что ответ на вопрос получен. При уклонении от ответа спикеры могут ссылаться на этические нормы и на необходимость говорить только о том, что знают сами. А тактика противодействия заключается в том, что дипломат дает понять, что вопрос некорректен или переходит границы его полномочий.

---

⁸¹ Юхасоо-Лоуренц К. Тема табу для дипломатов [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ : офиц. сайт. – 21.03.2011. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/social/20110321/167583795.html>. – 28.05.2017.

К примеру, на вопрос журналиста о реагировании на подготовку Северной Кореи к тестовому запуску межконтинентальной баллистической ракеты Джон Кирби ответил следующее: «Well, as I think you know, generally we don't talk about intelligence matters or intelligence assessments with respect to specifics about the capabilities that they continue to pursue both on the ballistic missile side and, of course, on the nuclear side»⁸² (Ну, как я думаю, вы знаете, что вообще-то мы не обсуждаем в деталях добытые разведкой сведения или разведывательную оценку обстановки, что касается прав, которых они продолжают добиваться как в отношении баллистических ракет, так и, конечно же, в отношении ядерного оружия), далее: «I don't have – I can't comment on that case, Said. I simply don't have any information»⁸³ (У меня нет... Я не могу комментировать этот случай, Сэд. Я просто не располагаю информацией) или на вопрос: «Yeah. Dr. Tsai will make a stopover in Houston and San Francisco during this week – this weekend about her transit to Central America. Will any current U.S. officials contact with Tsai in any forms, even as private citizens, including personal meeting, phone call, text message, or social media?»⁸⁴ (По пути в Центральную Америку госпожа Цай остановится ненадолго в Хьюстоне и Сан Франциско на этой неделе. Собираются ли официальные представители США как-то контактировать с Цай, или, может, как частные лица, через личную встречу, телефонный звонок, сообщение или соцсети) Кирби ответил: «Postcard – look, I don't mean to make light of your question. I'm simply not able to speak for the details of discussions that might occur»⁸⁵ (Открытку... Послушайте, я не имею в виду, что ваш вопрос не нужно воспринимать серьезно. Просто я не готов представить детали переговоров, которые могут произойти), также «We typically don't comment on the travel of foreign leaders of other countries»⁸⁶ (Мы, как правило, не даем комментарии по поездкам лидеров иностранных государств в

⁸² Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

⁸³ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm>. – 23.06.2017.

⁸⁴ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

⁸⁵ Там же. – 23.06.2017.

⁸⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

другие страны), «...there'saverystringentsanctionsregimeinplace; noquestionaboutthat»⁸⁷ (...это очень строгий санкционный режим; никаких вопросов на этот счет) и другие (здесь и далее перевод автора – Е. Загайновой).

Проанализируем следующие примеры: «I'm not in a position to say one way or another that that leads to something imminent right now, so we need to stay where we are, where things are».⁸⁸ В этом предложении спикер, во-первых, объясняет отказ, употребляя фразу *I'mnotinaposition*, давая тем самым аудитории понять, что он не наделен достаточными полномочиями и компетенциями говорить о том, что что-то приведет прямо сейчас к неизбежному, во-вторых, не просто говорить, а «так или иначе, тем или иным образом», т.е. не важно, какими словами. По своей сути за такой формулировкой стоит отрицательный ответ «нет», который автор избегает произносить в силу тех или иных причин.

«I'm not aware that there has been a request for specific investigative assistance» (там же). Здесь фраза *I'mnotaware* также помогает спикеру уклониться от однозначного ответа, который мог бы негативным образом повлиять на оценку ситуации реципиентом или создать нежелательный образ в его сознании. Дипломатам зачастую приходится прибегать к таким языковым решениям, которые позволяют им обойти прямые ответы и при этом не создают впечатления умалчивания или недосказанности. Одновременно дипломаты снимают с себя ответственность за эту оценку. Здесь имплицитно проявляется языковая функция ориентации, когда у адресанта формируется свое понимание реальной действительности, и он наделяется возможностью самостоятельно реагировать на ситуацию.

Как мы видим, даже под влиянием представителей СМИ в сфере дипломатии к неподобающим темам для обсуждения относятся поездки лидеров иностранных государств в другие страны, ситуации, связанные с планируемыми, но еще не произошедшими событиями, режим санкций, разведывательные сведения и внешнеполитические действия некоторых стран, так как по своим ме-

---

⁸⁷ Там же. – 23.06.2017.

⁸⁸ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm>. – 23.06.2017.

тодам и целям эти темы пренебрегают рамки публичной дипломатии, политического диалога или культурно-образовательной сферы. Также к категории табу в сфере дипломатии относятся языковые приемы, средства и единицы, которые означают какие бы то ни было действия агрессивного характера, угрозы, оскорбления или обвинения.

Количественные подсчеты показали, что к уходу от ответов, включая табу, спикеры прибегают в среднем 13 – 15 раз за одну пресс-конференцию. На наш взгляд, это достаточно высокий показатель, учитывая, что средняя продолжительность брифинга составляет около 30 минут, и за это время на повестку дня выносятся в среднем 11 вопросов.

Благодаря уклончивым ответам или отказам отвечать на вопросы, затрагивающие перечисленные темы, представители дипломатических кругов хотят скрыть истинные намерения своих государств и исключают обсуждение этих тем из повестки дня в рамках публичного диалога. Вместе с тем, как показывают приведенные выше примеры, невладение какой-либо информацией не означает «потерю лица» для дипломата, так как она не вызывает негативной реакции у присутствующей аудитории. Более того, используя подход уклончивого ответа, дипломат проявляет свое искусство речевого воздействия, которое также заключается в способности говорящего придать значимость своей коммуникативной позиции и оградить ее от натиска собеседника, устоять против его навязчивых вопросов и аргументации. В этом же прослеживается и умение смягчить коммуникативную позицию собеседника, не позволить ему оказать давление. Таким образом повышается сила речевого воздействия на аудиторию: спикеры лучше слушают, им больше доверяют, с ними охотнее соглашаются и т.д.

Далее рассмотрим такую особенность устных выступлений, как перебивы (самоперебивы), когда спикеры начинают другое предложение, не закончив начатое, вносят уточнения и поправки в сказанное, или их высказывание прерывается вопросом, либо комментарием журналиста. Исследователи по-разному называют это явление. Так, например, Г.А. Тезекбаева называет это понятие

«фальш-стартом» (от англ. *falsestart*, т.е. «неправильное начало»),⁸⁹ если оно имеет место в самом начале речевого акта. В лингвистике термин «фальш-старт» заимствован из спортивной сферы, где он чаще употребляется как «фальстарт» для обозначения «неправильно взятого старта, когда кто-нибудь из участников состязания начинает движение раньше поданной команды».⁹⁰ Также в научной литературе встречаются такие названия этого явления как оговорки, поправки, исправления и уточнения.

Обратимся к соответствующим примерам:

«QUESTION: ... Is the U.S. looking into this issue perhaps?

MR KIRBY: **Into the --**

QUESTION: The issue of the burden that the Kurdistan region bears because it has – it's supporting 1.8 million displaced people from other parts of Iraq»,

«**It's part of the** – it's all part of the larger effort – I got you, just let me finish, I'm just getting warmed up here – it's all part of the larger effort to deal with this problem...», «**I mean, look, we** – I'll say what we welcome is any international effort to help Afghanistan become secure and more prosperous...»,⁹¹

«**That's my** – I've never been through one of these here at the State Department, but in my past experience, yeah, that's not unusual»,⁹²

«MR KIRBY: **There --**

QUESTION: -- of the process in order to be able to push things in the direction that you want them to go when the players actually sit down?». ⁹³

Вцеломможносказать, чтоперебивысвязанысособственнойустнойречисловеснойимпровизацией. При такихсрывахконструкцийспикеры пытаются сформулировать свои фразы другими словами, смоделировать структуру высказываний иным образом; они со-

---

⁸⁹ Тезекбаева Г.А. Спонтанная речь как объект действительности / Г.А. Тезекбаева // Вестник ВГУ. – 2011. – Вып. 1 : Сер. Филология. Журналистика. – С. 76.

⁹⁰ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – С. 813.

⁹¹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

⁹² Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm>. – 23.06.2017.

⁹³ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

средоточены не только на содержании, но и на форме высказывания. Также перебивы еще раз свидетельствуют о том, что мы имеем дело с неподготовленной речью.

Приведем несколько примеров: «Obviously, as many of you, today is World's AIDS – **World AIDS Day**, excuse me», «...I can say that the Department of State continues to be interested in working with Congress to modify legislation – the – sorry – **the legislation**, JASTA, in a way that respects and honors the needs of victims of 9/11 without eroding the sovereign immunity principle that obviously concerns national – **U.S. national** security interests, because it protects the United States and our personnel overseas», «As the legislation – **if** the legislation gets passed...»,⁹⁴ «I would not – **we** would not agree with that statement»,⁹⁵ «Turkey's a part of the coalition to counter Daesh, and so it wouldn't – **it shouldn't** surprise anybody that the prime minister may want to go to Iraq to have discussions about that fight»,⁹⁶ «No, but...», «This is the... is he comfortable?», «...his role in a transition will be determined – **should be** determined by those political talks».⁹⁷

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что в большинстве случаев оговорки носят ненамеренный характер и воспринимаются в качестве досадных случайностей. Данные количественного анализа свидетельствуют о том, что оговорки встречаются в среднем более 20 раз за 1 брифинг. Они свидетельствуют о скрытой работе мысли выступающего, а также показывают его подлинное отношение к ситуации. Об этом, в частности, свидетельствует и замена в речи местоимения I на we, когда спикер выражает свою точку зрения по той или иной проблеме, а потом акцентирует внимание на том, что данная точка зрения принадлежит не ему одному, а всему государству, которое он представляет. С другой стороны, говорящего можно уличить в попытке заблокировать

---

⁹⁴ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

⁹⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

⁹⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm>. – 23.06.2017.

⁹⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

первоначальное намерение высказать мысль, о которой не должны знать окружающие, и акцентировать внимание на другой мысли, которую он стремится донести. Особенно хорошо это видно в тех примерах, в которых спикер заменяет словосочетание *itwouldn't* на *itshouldn't* и *willbe* на *shouldbe*, смещая тем самым акцент с реального / предположительного на желательный исход события.

Напомним, что дипломатическая разновидность дискурса относится к официально-деловому стилю, и, следовательно, подразумевает наличие характерных для него стилистических черт, таких как официальность, объективность и логичность, строгость отображения мысли, долженствующе-предписывающий характер, а также стандартность, точность, стереотипность и детальность речи.

2.2 Лингвистические особенности брифинга

Прежде чем перейти к непосредственному анализу языковых особенностей американских брифингов, обратимся к такой области лингвистических исследований, как лингвопрагматика. За основу возьмем определение Н.И. Формановской, согласно которой прагматическим подходом называется «учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных задач в ситуации в целом, в социальных признаках адресата и т.д.». ⁹⁸ В узком смысле лингвопрагматика сводится к выбору языковых средств, приемов и особенностей, способных реализовать интенции говорящего.

В научной литературе отмечается, что основные задачи прагмалингвистики сводятся к попыткам ответить на следующие вопросы:

1. С какой целью происходит речевое общение?
2. Почему речевое общение реализуется в данном конкретном виде?
3. Как действуют коммуниканты в речевом общении?

Соответственно, чтобы определить языковую специфику пресс-конференций Госдепа, необходимо учесть релевантные прагмалингвистические

---

⁹⁸ Формановская Н.И. Речевое общение : Коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – С. 78.

признаки, которые связаны с целенаправленным социальным поведением, условиями общения и оказанием воздействия на аудиторию. В нашем исследовании мы постараемся выяснить, как в ходе брифингов дипломаты могут оказывать речевое воздействие на адресата, а именно – умение преподнести информацию, добиваться более точного ее понимания, привлекать внимание и располагать к себе аудиторию, устанавливая с ней более тесный контакт, подчеркивать силу своего убеждения, избегать конфликтных ситуаций и т.д.

Приступая к анализу, рассмотрим сначала языковые характеристики на грамматическом уровне. Заметим, что анализируемая нами речь принадлежит американским дипломатам – носителям английского языка. На первый взгляд, грамматика в исполнении носителей языка, как правило, не вызывает сомнений в силу знания и интуитивного понимания языка. Но грамматика – это не только правильное оформление речи, некоторые языковые явления могут быть использованы как важное средство влияния собеседника. На этом уровне языка мы обнаружили целый ряд лингвопрагматических особенностей.

Синтаксис, являясь частью грамматики, служит для того, чтобы содержание речи обрело определенную форму благодаря тому, что слова выстраиваются в общепринятом порядке и связаны между собой не только по смыслу, но и структурно. Единицей синтаксиса является предложение. Однако целое высказывание не всегда можно уместить в одном предложении.⁹⁹

Заметим также, что рассматриваемый нами устный жанр выступлений во многом содержит элементы спонтанной речи, которая осуществляется говорящими лицами во все время меняющихся условиях коммуникации. При этом характеристики спонтанной речи (неоднородность, интонационная неустойчивость, нестабильный ритм, тембр голоса и темп речи, самопроизвольность, неподготовленность, использование повторов, прерывание речи и т.д.) отличаются от характеристик речи продуманной и подготовленной (продуманы тема,

---

⁹⁹ Львов М.Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – 2-е изд., исправл. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 119 – 120.

цель, содержание, способ подачи мыслей, словесное выражение и т.п.),¹⁰⁰ и соответственно, они в меньшей степени подвержены влиянию масс-медийного дискурса. Напомним, что именно этим и был обусловлен наш выбор текстов устных выступлений.

Исследователи в области дипломатии (Баландина Л.А, Логунова К.А. и др.) отмечают, что язык дипломатических документов отличается сложным синтаксисом, для которого характерно употребление длинных распространенных предложений со сложными причастными и деепричастными оборотами, однородными членами, а также сложноподчиненных предложений с разными видами придаточных и абзацным членением конструкций.

В устных выступлениях спикеров Госдепартамента США мы наблюдаем смешанную картину, когда речь выступающего может изобиловать простыми предложениями:

«**MR KIRBY:** What's on the scarf?

QUESTION: USA Hockey.

MR KIRBY: Okay. All right, that's acceptable.

QUESTION: It's from the winter Olympics from --

MR KIRBY: Really?

QUESTION: Remember the winter Olympics in Sochi.

MR KIRBY: I do remember the winter Olympics, yes.

QUESTION: I had to special order this.

MR KIRBY: Did you really, Matt? It's very sporty. That's okay. So would a NASCAR driver-- that would have been okay as well. USA Hockey.

QUESTION: Guess you didn't watch the game, Kirby.

MR KIRBY: What game? That game? (Laughter.) I grew up in south Florida. So while I can appreciate the athleticism of hockey, I don't really spend a lot of time watching it.

QUESTION: You've got two teams.

---

¹⁰⁰Баева О.А. Ораторское искусство и деловое общение : Учеб. пособие. – 2-е изд., исправл. – Мн. : Новое знание, 2001. – С. 119.

MR KIRBY: Is there only two teams in all of hockey? (Laughter.)

QUESTION: No, in Florida.

MR KIRBY: Two hockey teams in Florida. Yes, I know that, but that doesn't mean I enjoy watching it.

QUESTION: Sacrilege.

MR KIRBY: Look, any sport that has the word "ice" in it is not going to attract my attention. (Laughter.) Can I get on with the briefing? (Laughter.)

QUESTION: Talk about hockey.

MR KIRBY: So a couple just at the top. One, I'd like to just provide a brief readout. I think you know that the deputy secretary met yesterday with his counterparts from the Republic of Korea and Japan. We issued a fact sheet about that meeting – a communique, if you will – which I can point you to on our website. But the Deputy Secretary, as he said afterward, quote, "We share a common purpose in addressing the region's most acute threat: North Korea. The United States is committed to protecting ourselves, defending our allies, meeting our treaty obligations, and providing extended deterrence guaranteed by the full spectrum of U.S. defense capabilities," end quote». ¹⁰¹

При этом, как мы видим, выбор простых и сложных предложений зависит от характера обсуждения. Простые предложения в устной речи спикеров чаще встречаются в односложных ответах и беседах на отвлеченные темы, которые могут вклиниваться в ход брифинга на непродолжительное время. С прагматической точки зрения это позволяет оживить ход пресс-конференции, установить более тесный контакт с аудиторией и способствует более доверительной атмосфере. И наоборот, сложные распространенные предложения характерны для рассмотрения непосредственно рабочих тем брифинга с тем, чтобы наиболее полно и детально раскрыть суть обсуждаемых вопросов.

Говоря дальше о прагматических особенностях речи спикеров, заметим следующее: в предложении «I do remember...» мы наблюдаем интенсификацию

---

¹⁰¹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL :<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

действия «помнить», проявляющуюся в использовании смыслового глагола вместе со вспомогательным (do + remember). Это усиление связывает спикера и адресанта общим действием – воспоминаниями о зимних олимпийских играх в Сочи. В данном примере такие выражения разговорной речи как *That'sokay*, *Soacouplejustatthetop* идут параллельно с более формальными, строгими и официальными выражениями наподобие *Weissuedafactsheetabout...*, *Weshareacommonpurposein...*, *TheUnitedStatesiscommittedto....* При этом использование таких конструкций как «USAHockey», «Whatgame? Thatgame?» представляет собой примеры неполных предложений, характерных для неформальных разговоров, когда говорящий ограничен во времени для экономии речевых ресурсов. Данный прием сначала помогает расположить к себе публику, настроить на демократичный лад и поддержать ее внимание, а затем в нужный момент переключить внимание аудитории и перейти к сути брифинга – обсуждению, комментированию актуальных ситуаций внешней политики.

Лаконичные ответы (жирный шрифт) просты по своей структуре и часто перемежаются с вопросами и уточняющими комментариями журналистов, как, например, в этом отрывке от 6 января 2017 г.:

«*QUESTION: Are you going?*

MR KIRBY: I will not be making the trip on Monday.

QUESTION: Because you know what they have in Boston?

MR KIRBY: A lot of snow and ice.

QUESTION: A hockey team, too.

MR KIRBY: Yes, I know. I've heard that they play hockey up there, yes.

QUESTION: That's probably why you're not going, right?

*MR KIRBY: It's not, no! I'm... it's not because of the hockey. The snow and ice, that's another issue. Thatmaybefactoringintoit».*¹⁰²

Данный отрывок – еще один пример и доказательство тому, как ход официальной пресс-конференции на уровне дипломатии может разбавляться не-

---

¹⁰² Официальный сайт Государственного Департамента США. URL [:https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm](https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm). – 23.06.2017.

формальными разговорами с целью проявления эмпатии, аутентичности и открытости, т.е. оказания психологического влияния на аудиторию.¹⁰³ Так реализуется функция интеграции. В сознании аудитории перед ней предстает обычный человек с достоинствами и недостатками, который старается минимизировать дистанцию с аудиторией, разделяет те же ценности и интересы.

В своей статье, посвященной сравнительному анализу конституционального и дипломатического дискурсов, А.И. Кафтя отмечает, что в английском языке помимо сложноподчиненных предложений на синтаксическом уровне этим видам дискурса свойственно употребление в речи дополнений и различных видов обстоятельств, а также распространенные и нераспространенные определения:¹⁰⁴ «Again, certainly those are part of the reasons (дополнение) *why we still continue to talk to* (обстоятельство цели) – in a multilateral setting to many of the stakeholders and part of the ISSG, the International Syria Support Group, is to talk about those kinds of issues (дополнение). And remember that group says they want a *political* (определение) *solution* (дополнение) and **that's** their aim, but as Secretary Kerry has also talked about before, **there are** spoilers and I'm not talking about other stakeholders or other governments, but **there are** spoilers who are out there anytime **there is** a cessation of hostilities, anytime **there's** political negotiations, who are seeking to undermine those. *That's* (формальное подлежащее) *the reality of the situation* (дополнение)».¹⁰⁵ Так, с точки зрения прагматики, сложный синтаксис способствует тому, что изложение получается более логичным и детальным, а преимущественное использование в речи простого настоящего времени облегчает понимание и усвоение информации, насыщенной терминами из различных дискурсивных практик.

С помощью метода количественных подсчетов мы выявили процентное соотношение простых и сложных предложений в исследуемом нами материале.

---

¹⁰³ Кузнецов И.Н. Деловое общение. Деловой этикет : Учеб. пособие для студентов вузов / Автор-составитель И.Н. Кузнецов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 334.

¹⁰⁴ Кафтя А.И. Сравнительный анализ конституционного и дипломатического дискурсов / А.И. Кафтя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1. – С. 126 – 128.

¹⁰⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264956.htm>. – 23.06.2017.

Доля простых предложений в речи дипломатов составила 46 %, сложных – 54 %. Преобладание конструкций со сложным синтаксисом позволяет нам сделать вывод о том, что большая часть времени в ходе пресс-конференций отводится на обсуждение основных вопросов повестки дня, а использование сложных предложений в речи обусловлено стремлением дипломатов как можно более полно и подробно изложить информацию. В то же время, немалый процент простых предложений отводится на расположение к себе аудитории, установление с ней более тесного контакта, переключение внимания и подобному воздействию. Это еще раз доказывает, что преобладающими функциями в дипломатии являются функция информирования и воздействующая функция.

Помимо простых и сложных предложений среди синтаксических средств организации дипломатического дискурса можно отметить безличные и пассивные конструкции. Например: «All political appointees for the Obama Administration **were directed** to submit their letters of resignation, and the due date was December 7th, and the resignations are to take effect at noon on January 20th. All political appointees **were directed** to do that. *That is common, typical practice.* And when you're a political appointee for this or any other administration, you have no expectation of staying beyond the inauguration of a new administration. *That's the way it works*».¹⁰⁶

Использование пассивных конструкций (жирный шрифт) служит доказательством официальности речи, когда нужно сделать акцент на действии, а не на субъекте. В контексте брифинга эти конструкции указывают на то, что политические выдвиженцы администрации Б. Обамы не сами проявили инициативу подать заявления об отставке, а им было дано указание сделать это. Среднее количество пассивных конструкций в одном тексте – 15 – 20 единиц.

Употребление безличных конструкций с местоимениями *it* *that* (курсив) придает высказыванию уверенный характер.

Рассмотрим несколько примеров с безличными конструкциями: «It is not typical for

---

¹⁰⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL :<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

there to be a major diplomatic conversation, at least from the State Department side, on a military mishap»,¹⁰⁷ «But obviously, it's a very sensitive situation right now in the Gambia, and it sounds to me, hearing it from you, that there is some kind of information that the embassy is aware of about a disturbance or some kind of unrest, and that's perfectly typical that we would send out a security message to resident U.S. citizens there».¹⁰⁸ Безличные предложения констатируют закономерный характер описываемых событий, так как выражаемая точка зрения не связана с мнением одного лица. Здесь реализуется функция передачи информации. Передаваемая с их помощью информация воспринимается как нечто, не подлежащее оспариванию, как констатация факта, что усиливает смысловое содержание сопутствующего контекста.

Описанные выше характерные особенности использования пассивных и безличных конструкций акцентируют внимание на самих действиях и поступках, о также выражении отношения к ним (that is common, it is not typical, it is a very sensitive situation), что способствует реализации прагматической установки информирования аудитории и формирования «нужного» отношения к предоставляемым фактам и событиям.

Лингвисты, занимающиеся исследованиями в области дипломатии и современного английского языка (Вебер Е.А., Логунова К.А., Золинова Е.В. и др.), отмечают частое употребление условно-уступительных предложений в синтаксисе текстов дипломатии. Согласно Е.В. Золиновой, условно-уступительные предложения обладают общим для уступительных конструкций значением уступки, а также дополнительными значениями, которые опираются на лексическое наполнение предложения или контекст.¹⁰⁹

Сотрудники дипломатических служб, анализируя международную ситуацию, предусматривают возможные пути ее развития при соблюдении различ-

---

¹⁰⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/265200.htm> – 23.06.2017.

¹⁰⁸ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/265181.htm> – 23.06.2017.

¹⁰⁹ Золинова Е.В. Сложноподчиненные предложения с условно-уступительным значением в современном английском языке (на материале публицистики) / Е.В. Золинова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 107 – 110.

ных сценариев. При этом они выделяют наиболее благоприятный и предпочтительный для своего государства ход развития событий. Это намерение часто реализуется использованием условно-уступительных конструкций.

Рассмотрим соответствующие примеры: «Because as the Secretary made clear when he was in Rome, Russia and the regime are deluded if they think, even if they do take Aleppo, that this is over».¹¹⁰ Здесь спикер использует союзное сочетание *evenif*, подчеркивая тем самым недостаточность причины в придаточном предложении – взять Алеппо (*takeAleppo*), вопреки которой может выполняться действие в главном предложении.

«And so, as I said, to my knowledge we have not been able to say – although we may find out yes, there were two or three of these individuals, and we stopped them at the border».¹¹¹ В этом примере мы видим употребление союза *although*, который вместе с придаточным указывает на недостаточное основание – невозможность сказать (*havenotbeenabletosay*), чтобы воспрепятствовать действию – выяснить (*findout*).

Сложноподчиненные предложения с придаточными условия или уступки в устных высказываниях спикеров составляют в среднем около 5 единиц в одном тексте. Это не очень высокий показатель, ведь эти структуры реализуют гипотетический ход развития ситуации. Они помогают дипломату ненавязчиво намекнуть на выполнение желательного действия, бесконфликтно разрешить возникающие противоречия, а это, в свою очередь, соответствует требованиям такта, дипломатического этикета и в целом – цели дипломатического дискурса.

Еще одним характерным языковым средством и способом воздействия являются повторы. Повтор – это риторическая фигура речи, состоящая в повторении языковых единиц на разных уровнях языка при условии их близкого рас-

---

¹¹⁰ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264847.htm>. – 23.06.2017.

¹¹¹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264847.htm>. – 23.06.2017.

положения друг к другу.¹¹² Этот прием воздействия больше служит для усиления эффекта высказывания и оформления его структуры, нежели для манипулирования. Лингвисты (Данилова А.А., Волков А.А., Львов М.Р., Киселева А.В. и др.) выделяют несколько видов и типов повторов. Так, на синтаксическом уровне встречаются параллельные конструкции¹¹³ или параллелизмы¹¹⁴, призванные выделять самые значимые для говорящего фрагменты текста.

Рассмотрим примеры: «All right, a few things to **get started** on here at the top and we'll **get started**».¹¹⁵ Здесь автор акцентирует внимание на том, что нужно приступить к работе конференции. Не удивительно, что именно этими словами начинается брифинг.

В следующем примере «So I guess we're just going to have to **we're going to have to**, obviously, watch this going forward»¹¹⁶ мы видим, что, употребляя модальную конструкцию *haveto*, спикер заостряет внимание на вынужденности наблюдения за развитием ситуации.

В том же брифинге предложение «**It is – it's difficult** when you look at the decisions that he is making, the programs that he is **pursuing** in the face of international will against him – **it's difficult** to understand, as I said to Dave, the rationale in making those decisions and in **pursuing** those programs, which are **clearly coming at the expense of** his own people, **clearly coming at the expense of** security and stability around him and his own citizens and in the region» избобилует повторами. Во-первых, это *itis - it's* с небольшой поправкой, выраженной в речи сокращением конструкции, а на письме – апострофом; во-вторых, *it's difficult – it's difficult*, подчеркивающие сложность описываемой ситуации и действий; в-третьих, дважды встречается слово *pursuing*, относящееся к осуществлению программ,

---

¹¹² Киселева А.В. Виды стилистических фигур, основанных на принципе синтаксического повтора [Электронный ресурс] / А.В. Киселева // Университетские чтения – 2011: материалы конф. Пятигорск, 2011. – Режим доступа : https://pglu.ru/upload/iblock/c46/uch_2011_v_00002.pdf – 21.05.2017.

¹¹³ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – 3-е изд. – М. : «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – С. 137.

¹¹⁴ Львов М.Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – 2-е изд., исправл. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 190.

¹¹⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264779.htm> – 23.06.2017.

¹¹⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm> – 23.06.2017.

причем слово *programs* повторяется равным образом вместе с ним, а также не единожды используется выражение *clearly coming at the expense of*, делающее упор на очевидности того, за чей счет будут осуществляться упомянутые программы.

В примере «But **that doesn't mean that** we don't want to see that happen. And **it doesn't mean that** the sanctions that are being implemented are, in fact, still the most stringent that have been in place in the last 20 years»¹¹⁷ параллельная конструкция используется в двух идущих друг за другом предложениях с заменой семантически близких подлежащих *that* и *it*.

Заметим, что на лексическом уровне мы имеем дело с лексическими повторами,¹¹⁸ выполняющими ту же функцию, что и параллелизмы. Например: «And as we've said long – **many, many** times, that we've encouraged bilateral dialogue and discussion between Turkey and Iraq on a whole range of regional issues».¹¹⁹ С точки зрения прагматического воздействия, повтор слова *many* усиливает смысловую стержень высказывания и повышает выразительность сказанного.

Еще один вид повтора, с которым мы столкнулись при анализе текстов, называется полисиндетоном. Согласно Толковому словарю иноязычных слов, полисиндетон – это «наличие в предложении нескольких одинаковых союзов; многосоюзи».¹²⁰

Рассмотрим следующие предложения: «And when the – when the situation is stabilized, it's essential that local population is there to rebuild **and** resettle **and** restore local control», «And he also reiterated our support and our commitment to a stable **and** prosperous **and** secure future for Egypt».¹²¹ В данных примерах брифинга от 1 декабря 2016 г. союз *and* связывает однородные члены: в первом предложении –

---

¹¹⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

¹¹⁸ Львов М.Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – 2-е изд., исправл. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 190.

¹¹⁹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm>. – 23.06.2017.

¹²⁰ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – С. 607.

¹²¹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

обстоятельства (цели), во втором – определения. Он смягчает переходы между членами предложения, объединяет их и подчеркивает роль связываемых им слов. Если обратить внимание в первом предложении на слова, которые связаны союзом *and*, то мы увидим, что все они начинаются с префикса *re-*, который выражает повторное выполнение действия, что при восприятии на слух также производит определенный эффект на реципиента: в его сознании не возникает фатальности ситуации, все можно восстановить, исправить, улучшить.

Последний вид повтора, встретившийся нам в материале брифингов – градация. В Толковом словаре иноязычных слов дается следующее определение градации: «стилистическая фигура, состоящая в расположении ряда слов в порядке нарастания или ослабления их смыслового или эмоционального содержания».¹²²

Например: «So again – I mean, **in some case** – or **not in some cases**, but **in many cases** sanctions are targeted».¹²³ Здесь автор выстраивает свое высказывание с использованием восходящей градации, которая усиливается параллелизмом. Прагматической целью такого перехода является убеждение аудитории в том, что интерес к применению санкций носит более масштабный характер.

В предложении «**We are concerned and remain concerned**, however, about some of the substantial issues that you mentioned in the lead-up to the election»¹²⁴ внимание сводится к более продолжительному характеру действия («мы не только в данный момент обеспокоены некоторыми важными вопросами, но и остаемся быть обеспокоенными»).

Аналогичный пример встречается в предложении «Our view, what we want to see as the end result, is not changed, but ultimately the discussion of how and what his role is in the transition is going to be – should be **the byproduct** – not just **the byproduct** – **the product** of those political talks»,¹²⁵ где снова встречается повтор-

---

¹²² Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – С. 218 – 219.

¹²³ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

¹²⁴ Там же. – 23.06.2017.

¹²⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

градация в виде слова

«продукт»,

который изначально рассматривался как сопутствующий или второстепенный, а потом автор сменил его акцент на основной. В целом прием повторов помогает спикеру смещать акценты, наращивать или уменьшать интенсивность значения мысли, усиливать экспрессивность, а также частично создавать дискурсивный мир в сознании аудитории.

Методом подсчета нам удалось установить, что в среднем использование лексических повторов за один брифинг составляет 23 случая.

Таким образом, повторы можно считать довольно распространенным средством выразительности речи, которые придают ей экспрессивность, служат развитию мысли. С помощью многократных повторов автор речи может создавать ассоциации и стереотипы в сознании слушателя, переключать его внимание с одного на другое, выделять главное или делать акценты. Акциональная функция языка проявляется в том, что повторы способствуют концентрации внимания на важном и сохраняют речь связанной, помогают лучше понять информацию, которую дипломат стремится донести до аудитории. При этом создается особый эффект речевого воздействия, когда на фоне повторов другие смысловые элементы высказывания кажутся ярче.

Перейдем к рассмотрению такого лингвистического средства, как прием опущения, он же называется эллипсисом. Согласно Толковому словарю иноязычных слов, эллипсис – это «пропуск в речи какого-нибудь легкоподразумеваемого слова, члена предложения».¹²⁶

Например: «Just wanted to note a few things»,¹²⁷ «Also wanted to add that the State Department welcomed the visit to Washington yesterday by UN Special Advisor to the Secretary-General on Cyprus Espen Barth Eide to Washington».¹²⁸ В этих отрывках речи опущен начальный компонент предложения - подлежащее. Вообще

¹²⁶ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – С. 917.

¹²⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

¹²⁸ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/03/268288.htm>. – 23.06.2017.

для грамматики английского языка с его относительно строгими правилами построения предложений не характерно опущение главных членов предложения. Но так как мы имеем дело с устной речью, то иногда это может быть допустимым. И так, нетрудно догадаться по контексту, что в роли подлежащего в этом примере выступает личное местоимение *I*. Говорящий комментирует свои слова и сообщает о том, какую мысль он хотел бы добавить к своим словам или на что обратить внимание.

Данный языковой прием способствует реализации институциональной функции языка. Она заключается в том, что спикер делает свою речь более ёмкой и краткой на менее значимых участках повествования, чтобы не заострять внимание на второстепенных вещах. Мы также полагаем, что автор опускает личное местоимение, чтобы не акцентировать внимание на личности оратора, так как озвучиваемая позиция не является его личной точкой зрения, а отражает официальную позицию государства.

Проанализируем следующее предложение «*You getting any sleep?*».¹²⁹ В нем мы также наблюдаем эллипсис глагола-связки *to be*, а именно его формы, согласующейся с местоимением *you* – *are*, что также не существенным образом отражается на смысле, поскольку опущение слова интуитивно понятно. В данном случае мы имеем дело с отрывком неформального общения на отвлеченную тему. Оно происходит в самом начале брифинга, способствует установлению контакта и сближению с аудиторией.

Другое дело, когда происходит опущение слова или фрагмента речи, о котором не так легко догадаться. Например: «*We're not actively involved in those discussions. They are being coordinated by those three countries in particular. We're not at the table. We're not involved in the planning, and we're obviously not speaking to whatever outcomes are – that are coming out of these discussions...*».¹³⁰ В данном примере интерес для нас представляет предложение «*We're not at the table*», в

---

¹²⁹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL [:https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm](https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266433.htm). – 23.06.2017.

¹³⁰ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL [:https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm](https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm). – 23.06.2017.

котором опущено определяющее слово *bargaining*(стол переговоров) перед существительным. Данный эллипсис был выявлен путем анализа сопутствующего контекста и работы со словарями. Этот пример свидетельствует о том, что спикер экономит речевые ресурсы в подготовленной аудитории, способной догадаться о каком столе здесь идет речь.

Заметим, что эллипсис является типичной чертой разговорного стиля с целью экономии речевых усилий. При его использовании передаваемая в нем информация предстает перед реципиентом в неформальном виде, способствует установлению психологического контакта с аудиторией, и с прагматической точки зрения помогает добиться более точного понимания и восприятия в ходе общения, помогает сконцентрироваться на главном и не заострять внимание на второстепенном.

Вместе с тем дипломатический этикет диктует свои требования к оформлению языковых высказываний дипломатами. Обратимся к такой языковой универсалии, как категория модальности. Она выражает разное отношение говорящего к действительности. Для анализируемого типа дискурса эта категория представляется значимой, так как средства модальности позволяют очень точно и однозначно обозначить отношение спикера, а соответственно, и госдепартамента, к обсуждаемым фактам и событиям. А.А. Данилова выделяет два вида модальности: объективную и субъективную. Первая является обязательной категорией и служит для формирования предикативной единицы – предложения. Второй вид модальности носит факультативный характер и выражает отношение адресанта к содержанию высказывания.¹³¹

Так, в речах дипломатов мы сталкиваемся с употреблением категориитекстовой модальности. В Толковом словаре русского языка приводится следующее ее определение: это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания».¹³² Модальность может выражаться различными

---

¹³¹ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – 3-е изд. – М. : «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – С. 126.

¹³² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : Ок. 10 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. - 27-е изд. , испр. — М. : ООО «Издательство Оникс», 2010. – С. 544.

грамматическими и лексическими средствами, куда входят местоимения, модальные глаголы, модальные слова, формы наклонения, частицы, порядок слов, вводные слова и др.

Обратимся к примерам. Для начала рассмотрим, как категория модальности может проявляться через использование личного местоимения:

«You can have the toughest sanctions in the world; if they're not implemented correctly, then they're meaningless».¹³³ Здесь спикер обращается к опыту слушателей. При этом логический акцент делается на истинность высказывания, которое звучит как предписание правильных действий. Модальность достигается путем использования личного местоимения во 2-ом лице, имеющего обобщенное значение в данном контексте, а само действие в предложении приобретает оттенок универсальности. В сознании слушателя создается иллюзия обладания самыми жесткими санкциями, которые останутся бессмысленными, если их неправильно использовать. Употребление конструкции *suoi* представляет конкретную ситуацию наложения санкций, но неправильного их применения, типичной. Таким образом проявляется функция ориентации.

На формально-языковом уровне в дипломатическом дискурсе обнаруживается доминирование эмоциональной оценочности как при характеристике своей страны, так и при характеристике оппонентов. Это проявляется в противопоставлении «свой» – «чужой». Дискурсивно выстраивая внешнеполитическую действительность, спикеры отражают данную оппозицию, затрагивая межгосударственные отношения. В научной литературе описывается, что каждый человек определяет свою принадлежность к той или иной социальной группе, основываясь на принципах национальности, половой принадлежности, религиозных и политических взглядах, жизненных приоритетах и т.д.¹³⁴ Именно в этом и проявляется дихотомия «свой» – «чужой». Рамки «своих» ограни-

---

¹³³ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

¹³⁴ Карнюшина В.В. Лингвистические средства реализации стратегии дистанцирования в англоязычном политическом дискурсе (на материале брифингов государственного департамента США) / В.В. Карнюшина, А.И. Махина // Мировое культурно-языковое и политическое пространство : инновации и коммуникации : сб. науч. тр. / М., 2015. – С. 20.

чиваются отклонениями от привычных правил и норм, что расценивается как неправильное или плохое и чаще всего воспринимается негативно. В дипломатическом дискурсе основу противопоставления «свой» – «чужой» составляет геополитический признак. Иными словами, к «своим» дипломаты относят представляемую ими страну, ее граждан, а также их сторонников. Как правило, выявление данной оппозиции можно проследить за рамками одного предложения, при рассмотрении относительно законченного по смыслу отрывка речи.

Проанализируем следующий пример: «I think you know that the deputy secretary met yesterday with his counterparts from the Republic of Korea and Japan. We issued a fact sheet about that meeting – a communique, if you will – which I can point you to on our website. But the Deputy Secretary, as he said afterward, quote, «We share a common purpose in addressing the region’s most acute threat: North Korea. The United States is committed to protecting ourselves, defending our allies, meeting our treaty obligations, and providing extended deterrence guaranteed by the full spectrum of U.S. defense capabilities,» end quote».¹³⁵ Как мы видим, помимо США (т.е. в лице заместителя министра и непосредственно США) Дж. Кирби относит в круг «своих» Республику Корею и Японию. На это указывает два фактора: во-первых, он называет представителей Кореи и Японии словом *counterparts* (сослуживцы по должности); во-вторых, далее он использует личное местоимение *we* вместо названия представителей этих стран в отдельности. Именно *we* является объединяющим для обозначения круга «своих». Затем спикер цитирует слова заместителя министра, в которых тот также использует местоимение *we*, а потом проводит границу в виде негативно окрашенного *acute threat*, тут же называя Северную Корею. Тем самым он проводит параллель между «своими», куда входят США, Республика Корея и Япония, и «чужими» – Северной Кореей. Эта дихотомия поддерживается и такими выражениями как *protecting ourselves, our allies, our treaty obligations*. При этом автор ставит в центр «своих» Соединенные Штаты Америки, отводя этой стране

---

¹³⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

главенствующую роль в разрешении конфликта между перечисленными государствами. На это указывает лексика, обозначающая действия, выполняемые только США и характеризующая штаты как наиболее активного участника в разрешении конфликта: *iscommittedtoprotecting, defending, meeting, providing, guaranteed* и др. Так, при отнесении трех стран в категорию «своих», спикер настаивает реципиента на их положительную оценку, и, соответственно, отрицательную – при отнесении Северной Кореи к категории «чужой».

Теперь рассмотрим пример,

в котором реализация модальности происходит посредством глаголов: «**I would remind that the sanctions regime put in place recently is the most stringent over the last two decades and that they are being implemented**», «**The second thing I'd say is that – and you know this – sanctions take time**».¹³⁶ Данное средство реализации модальности имеет значение рекомендации, а если точнее, то мы имеем дело со сниженной модальностью долженствования. Использование глагола *would* служит для смягчения категоричности высказывания, указывая на рекомендованное действие, в данном случае – напомнить, сказать. Показательно и то, что во втором примере спикер использует маркер *youknowthis*, с использованием личного местоимения 2-го лица. Оно выражает смягчение речи и помогает автору навязать свое мнение адресату. Автор как бы сближается с собеседником и снижает тем самым прямолинейность своего высказывания. Пытаясь понять смысл сказанного, реципиент мысленно ставит себя на указанное автором место. В этом эксплицитно проявляется языковая функция интеграции и социальной дифференциации. Используя данный маркер, автор словно «отзеркаливает» свою точку зрения в сознание аудитории, убеждая ее в том, что санкции требуют времени. Кроме того, апеллирование к аудитории помогает автору слов сблизиться с реципиентом и избежать возможного проявления конфликтности. Путем удачной компоновки своей речи ее автор создает у адресата добровольное принятие чужого мнения. При этом такие маркеры «отзеркаливания» можно

---

¹³⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL [:https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm](https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm). – 23.06.2017.

считать достаточно жесткими и эффективными способами манипуляции, так как они основаны на чувстве справедливости, и у аудитории даже не возникает ответной реакции, чтобы усомниться в сообщаемом. Так происходит обработка чужого сознания и создается новое отношение к предмету речи, которое гармонизирует с представлением оратора. Пока само понятие «отзеркаливания» мало исследовано в области лингвистических наук, но тем не менее широко применяется в психологии и нейро-лингвистическом программировании.

Помимо модальных глаголов и маркеров для выражения модальности используются модальные слова. Согласно Л.С. Бархударову, модальные слова – это особая часть речи, которая в предложении является вводным членом. Вводные слова не называют предметы или явления и лишены грамматической связи с другими членами предложения.¹³⁷

Рассмотрим пример: «I think that, unfortunately, certain members of the council made the decision to protect some of the parties to the conflict and send a message that they support the status quo in South Sudan».¹³⁸ Автор использует модальное слово *unfortunately* и выражает тем самым свою оценку происходящего, в данном случае – нежелательность принятого решения в отношении защиты конфликтующих сторон и поддержки статуса кво в Южном Судане.

В предложении «Certainly, what I can say is that there's no change to our longstanding policy on cross-strait issues, which, as all of you know in this room, is based on the fundamental interest in peaceful and stable cross-strait relations, and obviously we remain firmly committed to the "one China" policy, and that's based on the three joint communiques and the Taiwan Relations Act»¹³⁹ модальное слово *certainly* выражает уверенность говорящего в достоверности своей мысли. И опять мы встречаем здесь маркер «отзеркаливания» мысли *you know*, убеждающий публику в том, что продолжительная политика по во-

---

¹³⁷ Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1973. – С. 284.

¹³⁸ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/266077.htm>. – 23.06.2017.

¹³⁹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264847.htm>. – 23.06.2017.

просам Китая и Тайваня – это основа мирных и стабильных отношений по обе стороны Тайваньского пролива. Путем убеждения в том, что это правильная политика, происходит реализация функции воздействия на сознание аудитории.

Далее мы проанализировали частотность модальных слов в речах дипломатов, разделив эти слова на две категории:

- 1) словасозначениемочевидности (apparently, evidently, obviously, assuredly, certainly, indeed, of course, surely);
- 2) модальные слова со значением вероятности (possibly, probably, maybe, perhaps).

Проведенный нами количественный анализ с использованием метода сплошной выборки показал, что наибольшая частотность в речах спикеров принадлежит модальным словам со значением очевидности. Самым частотным из них оказалось obviously. Оно встретилось 315 раз. На втором месте certainly– 251 раз, на третьем месте of course– 223 раза. Во второй группе, среди слов, выражающих значение вероятности, на первом месте по частотности стоит probably– 29 раз, второе место одинаково разделяют maybe и perhaps– по 14 раз, а на третьем – possibly– 9 раз. Исходя из этого, можно сделать вывод, что высокая частотность и преобладание модальных слов со значением очевидности обосновывает убедительность и верность описываемых действий, точность даваемых оценок. Соответственно, эта сила убеждения является эффективным приемом воздействия на аудиторию.

Подводя итог, можно сделать вывод, что грамматические средства играют свою роль в воздействии на адресата с целью сформировать у него определенное отношение к воспринимаемой информации. Грамматические приемы влияют на сознание аудитории на уровне знаков, когда адресат посылает те или иные вербальные сигналы, способные скрыто воздействовать на человека. При этом воздействующая функция иногда может принимать характер манипуляции, иногда даже вопреки ожиданиям собеседника.

Также можно заметить, что некоторые предложения могли представлять собой комплекс вышеперечисленных примеров, сочетая в себе множество ис-

пользуемых языковых приемов. В выступлениях спикеры употребляли отдельные слова и фразы, которые можно расценить как прерванные намерения выразить какую-то мысль. Иногда речь могла быть неразборчивой, в таких случаях в записи делались пометы *inaudible* или *off-mike*. В целом, синтаксические средства, отраженные в речах дипломатов, помогают им фокусировать внимание аудитории на предмете обсуждения и создавать к нему определенное отношение. С помощью языковых средств в речах спикеров реализуется функция создания видения действительности (интерпретация и ориентация).

Рассматриваемая нами дипломатическая коммуникация имеет и свои лексические особенности, представленные различными терминами, номинативными конструкциями, лексико-семантической вариативностью, тропами и другими средствами выразительности.

Являясь разновидностью официально-делового стиля, в дипломатическом подстиле используются выражения, свойственные языку документов и термины латинского происхождения, такие как «on behalf of» (от имени), «personanongrata» (персона нон грата или нежелательное лицо), «status quo» (статус-кво или положение вещей) и другие.

В целом дипломатические речи отличаются наличием лексики общелитературного языка, которая может употребляться в качестве терминов. Под термином мы будем понимать «слово или словосочетание, обозначающее определенное понятие какой-нибудь области науки, техники, ва».¹⁴⁰ Например: protocol (совокупность правил общения в международной сфере), sides (государства или правительства), cap (лимит, ограничение), allegations (голословные заявления), amend (поправки), deployments (размещение сил), reconciliation (урегулирование разногласий), rule of law (правовые нормы), to waive (отказываться, воздерживаться), uphold (оказывать поддержку) и другие.

В научной литературе отмечается, что терминология дипломатической сферы крайне редко фиксировалась в словарях, так как термины дипломатии попадали в общие толковые или переводческие, а не в специальные словари.

---

¹⁴⁰ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – С. 770.

Тем не менее, существует как лингвистическая, так и прагматическая потребность в использовании словарей дипломатических терминов.¹⁴¹

Помимо непосредственно дипломатической терминологии в сфере дипломатии все чаще используется экономическая лексика и термины коммерции: bank (банк), financialservicesindustry (индустрия финансовых услуг), underthedeal (подделке). Благодаря все возрастающему влиянию средств массовой информации в дипломатии присутствует огромное количество терминов из сферы СМИ: inflammatoryrhetoric (подстрекательская речь), presscoverage (освещение в прессе), headline (рубрика), Amcit (американский гражданин или американская гражданка от AmericanCitizen). Дипломатия, являясь частью внешней политики, не может не затрагивать сферу политических интересов, и, соответственно, в ней часто используются политические термины: elections (выборы), foreignpolicy (внешняя политика), FreeSyriaArmy (Свободная сирийская армия), SyrianDemocraticForces (Сирийская демократическая армия), displacedpeople (перемещённые лица). Также, в силу тесной связи дипломатии и политики в них распространена лексика военной сферы: gunnery (артиллерийская стрельба), weaponry (вооружение). Кроме того, используются термины из других дискурсивных практик: юридической сферы (harshsentences), разговорной (knucklehead), медицинской (antiretroviraltreatment, pandemic) и многих других, что свидетельствует о расширении границ дипломатического дискурса.

Помимо специальных лексических средств в языке дипломатии присутствует целый ряд образных выражений и средств иносказания, которые помогают речи быть выразительной. Среди наиболее ярких и самых употребительных из них можно назвать метафору. Она основана на употреблении слова или выражения в переносном значении по принципу сходства. Это сходство может представлять собой олицетворение, овеществление или отвлечение и выступать в роли различных частей речи.¹⁴²

---

¹⁴¹Беляков М.В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы / М.В. Беляков // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2012, № 2. – С. 84.

¹⁴²Введенская Л.А. Деловая риторика : Учебное пособие для вузов. / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – М. : Издательский центр «МарТ», 2004. – С. 234 – 235.

Путем наблюдения было замечено, что авторы прибегают к метафоричным фразам, когда в сознании реципиента необходимо задействовать механизм ассоциативного мышления, вызвать или породить устойчивый образ. Приведем наиболее яркие примеры: «Never before has power changed hands through the ballot box, soit's a big deal».¹⁴³ Здесь перед нами явная метафора *power has changed hands*. Автор наделяет такое отвлеченное понятие как «власть» руками (олицетворение). В сознании англоговорящих реципиентов возникает образ этой власти как чего-то живого, наделенного руками и способного этими руками что-то делать, менять. Дополнительная экспрессивность достигается путем употребления категоричного словосочетания *never before*, придающего всему предложению уникальность происходящей ситуации. Если отойти немного от лексико-семантического уровня, то этот пример показателен с точки зрения масштаба речевого воздействия, так как в одном предложении мы сталкиваемся не только с метафорой и экспрессивной лексикой, но и с инверсией, когда в конструкции утвердительного предложения составное глагольное сказуемое разрывается словом *power*, и они меняются местами. Также это небольшое высказывание дополняется на уровне синтаксиса придаточным предложением *soit's a big deal*, выражающего оценку говорящего происходящим событиям, но вместе с тем эта оценка предстает перед аудиторией как констатация факта, не подлежащая сомнению или опровержению. Так реализуется функция управления сознанием, общая для дипломатического и политического вида дискурсов.

В следующем примере «We certainly don't agree with the sentiment that Israel is a terrorist threat»,¹⁴⁴ Дж. Кирби допускает в своей речи прямое отождествление Израиля с террористической угрозой (*Israel is a terrorist threat*). Это пример метонимии, под которой понимается такой перенос наименования, который совершается на основании смежности. В данном случае целое государство предстает в форме отвлеченного понятия, способного нанести всеобъемлющий вред на-

---

¹⁴³ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264779.htm>. – 23.06.2017.

¹⁴⁴ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

сильственного характера на межгосударственном уровне. Дополнительную эмоциональную окраску угрозе придает эпитет *terrorist* (террористический). Данное слово довольно часто встречается в СМИ при освещении происходящих событий за последние десятилетия, задавая динамику развития определенной картины мира и системы ценностей в сознании мировой общественности. Оно обладает крайне негативной коннотацией.

«During today's productive discussions, the Deputy Secretary and Ambassador Cho reaffirmed the importance of our close coordination in responding to North Korea's destabilizing behavior».¹⁴⁵ В этом предложении мы сталкиваемся с примером, где Северная Корея наделяется характеристиками, которые присущи только живым существам – поведением (*behavior*), т.е. используется метонимия, так как под Северной Кореей спикер подразумевает правительство этой страны – относительно узкий круг лиц, ответственных за отношения, принятие важных решений и т.п. на межгосударственном уровне.

Говоря о распространенности употребления приемов метафоризации и метонимии в устных текстах спикеров, заметим, что в среднем они встречаются более 14 раз за одну пресс-конференцию. Следует отметить частое обращение к метонимии в контекстах, когда государства (как в приведенных выше примерах) наделяются определенными характеристиками, осуществляют действия. Это характерный дипломатический прием использования косвенной номинации, чтобы избежать прямое обращение к конкретным лицам.

Помимо перечисленных средств художественной выразительности в языке дипломатии используется лексика с оценочной семантикой. Среди всего ее многообразия, встретившегося нам в анализируемой речи, в качестве примеров мы приведем лишь некоторые, ярко демонстрирующие языковое влияние на слушателя:

---

¹⁴⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL :<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

«But clearly this is the world speaking in one voice about its concern over North Korea's ongoing *provocative* actions». ¹⁴⁶ Выделенный курсивом эпитет позволяет оратору без особых усилий создать в сознании слушателя образ врага в лице Северной Кореи.

«That said, while the two individuals designated are government officials, we call on all Congolese, including the opposition, to refrain from *inflammatory* rhetoric, violence, or actions inconsistent with democratic norms». ¹⁴⁷ Здесь эпитет *inflammatory* носит негативную окраску. В совокупности с другими средствами выразительности и использованием такой лексики как *wecallonall...*, *to refrain from*, *inconsistent* и др. создается установочный эффект предупреждения конфликтной ситуации, которая может возникнуть, если жители Конго не прислушаются к советам.

«We have ironclad security commitments there on the peninsula with Republic of Korea allies that we take very, very seriously». ¹⁴⁸ В этом примере показательным является эпитет *ironclad*, который характеризует *security commitments* (обязательства по безопасности) как очень жесткие. Актуализированное в контексте значение этого прилагательного является метафоричным. Оно образовано на основе переосмысления первичного значения «бронированный» и, несомненно, обладает яркой и убедительной коннотативной окраской.

Чтобы коммуникация оставалась эффективной, дипломаты в своих выступлениях должны соблюдать политическую корректность, а это, в свою очередь, иногда приводит к искажению существующей объективной реальности, смягчению и даже подмене некоторых понятий. Поэтому в дипломатическом дискурсе часто используются обобщения, выражения высокого стиля и эвфемизмы.

---

¹⁴⁶ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/264717.htm>. – 23.06.2017.

¹⁴⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/265181.htm>. – 23.06.2017.

¹⁴⁸ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

Согласно К.А. Логуновой, эвфемизмы – это слова-заменители лексических единиц, которые считаются невежливыми, грубыми или неприятными.¹⁴⁹

Речь дипломатов и политиков отражает тенденцию к употреблению эвфемизмов и таких языковых уловок, которые помогают смягчить негативные ассоциации, завуалировать нежелательные аспекты современной действительности и истинный смысл высказывания или представить их в более выгодном свете, воздействуя тем самым на мнение широкой общественности. Это, в свою очередь, можно отнести к приему речевого воздействия, меняющего образ восприятия. При этом эвфемизмы способствуют сохранению вежливого тона, соблюдению этики и сглаживанию напряженных моментов в общении.

Так, в отобранных речевых корпусах нам встретились следующие самые яркие примеры эвфемизмов:

«We have provided support to Turkey for operations to clear its border of ISIL, and that support is ongoing».¹⁵⁰ Здесь слово *support* употреблено в значении «поддержка», которая может быть разной: моральной, финансовой, ресурсной и др. Однако в данном контексте под словом *support* автор подразумевает военную помощь, а именно поставки вооружения. Таким образом, свою причастность к военному конфликту дипломаты США называют нейтральным словом «поддержка». Другое нейтральное слово *operations* подразумевает активные военные действия, а глагол *clear* – уничтожить противника.

В предложении «We also remember the countless civilians, including many, many children, who have lost their lives from torture, from starvation, and from attacks by the regime and its backers»¹⁵¹ эвфемизмом является выражение *have lost their lives* («потеряли свои жизни» вместо «died»). Дополнительный эффект эмоционального воздействия достигается путем использования повтора слова *many*, а также широкозначного слова *countless* не-

¹⁴⁹ Логунова К.А. Эвфемизмы в дипломатическом языке. / К.А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12. – С. 109.

¹⁵⁰ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/266077.htm>. – 23.06.2017.

¹⁵¹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/03/268457.htm>. – 23.06.2017.

определенной семантикой, что способствует атмосфере двусмысленности, речь о которой уже шла выше. Помимоэтого такие слова как *torture, starvation, regime* представляют собой оценочную лексику, используемую с целью сгущения краски, оказания эмоционального воздействия на аудиторию. Это явление носит название дисфемизации. Как отмечается в научной литературе, дисфемизмом называется «языковой феномен, противоположный эвфемизму»,¹⁵² «замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным».¹⁵³ Намеренная интенсификация жестокости в данных дисфемизмах может служить для формирования определенного оценочного отношения к излагаемым фактам.

В примере «And as to your question on the pace of it, as we also always said that this was going to be a long, tough fight, it's proving to be a long, tough fight, and it's only going to go as fast and it's only going to go as far as the Iraqi Security Forces are able to do it on their schedule, on their plan. This is their campaign»¹⁵⁴ под словом *campaign* имеются в виду боевые действия, о которых говорится в предыдущем предложении (*tough fight*).

В предложении «I think we're encouraged by what we would view as the unprecedented cooperation that's been shown between Baghdad and the KRG in the fight – in the overall fight against Daesh and the liberation of Mosul, which is ongoing, as you know»¹⁵⁵ наше внимание привлекает слово *liberation*, имеющее прямое соответствие – «освобождение». Но под освобождением здесь подразумевается уничтожение террористов в иракском городе Мосул.

Таким образом, в рассмотренных примерах мы наблюдаем изменение отрицательной эмоциональной направленности сообщения на положительную и

---

¹⁵² Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – 3-е изд. – М. : «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – С. 75.

¹⁵³ Арапова Н.С. Эвфемизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – С. 590.

¹⁵⁴ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/267140.htm>. – 24.06.2017.

¹⁵⁵ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266773.htm>. – 24.06.2017.

наоборот благодаря лексическим соответствиям, содержащим положительные и отрицательные коннотативные элементы.

Как мы видим, дипломаты прибегают к использованию в своей речи эвфемистических обозначений некоторых объектов и ситуаций ввиду культурных, этических, психологических, но, в первую очередь, политических соображений. Во время выступления иногда возникает необходимость использовать более гибкие формулировки и выражения взамен тех слов и фраз, которые могут считаться в культурном обществе не всегда удобными или приличными.

Иногда в обиходно-деловых ситуациях можно услышать фразу «как настоящий дипломат», которая чаще всего означает, что человек воспользовался «дипломатическим языком», то есть употребил осторожные, сдержанные фразы, чтобы выразить резкие вещи в мягком и вежливом тоне. Преимущество «дипломатического языка» с использованием эвфемизмов заключается в том, что он способен сохранить благожелательную атмосферу и собственный имидж, а в то же время дает возможность сделать какие-то предупреждения, не заводя спор и не нарушая правил этикета.

Так, если дипломатический деятель заявляет, что «для восстановления равновесия в Азиатско-Тихоокеанском регионе США привлекают военный компонент»

(«...there is a military component to the Asia Pacific rebalance that the United States has pursued»), он при этом подразумевает, что США прибегли к использованию военных подразделений в АТР. Под «восстановлением равновесия» тоже имеется ввиду более активное участие США в формулировании правил и норм для данного региона. При этом Джон Кирби заявляет дальше в этом же предложении, что «ВМФ США занимают доминирующую позицию в зоне Тихого океана» («we have the majority of the U.S. Navy in the Pacific region»), что еще раз подтверждает вышесказанное. Далее в своей речи Джон Кирби употребляет слово *concerns* (беспокойство): «And we certainly have made these exact concerns and these exact statements well known and clear through the UN, though the UN and the UN Security Council», из чего становится ясно, что американское правительство намеревается занять

решительную позицию в решении этого вопроса. Благодаря таким осторожным выражениям дипломаты могут делать предостережения иностранным государствам, не прибегая к использованию прямых угроз. И если эти предостережения не найдут ответной реакции, то ситуация в отношениях между государствами может усугубиться, но примирительный и вежливый тон при этом сохранится.

Дипломаты часто прибегают к помощи гибких выражений и формулировок, которые позволяют каждой из сторон по-своему толковать сказанное. Это может происходить в тех случаях, когда стороны придают важное значение достижению соглашения, однако не могут обойти серьезные разногласия. Г.Н. Смирнов называет этот прием «конструктивной двусмысленностью».¹⁵⁶

Рассмотрим такой пример: «Well, you know we don't have direct diplomatic relations with the North».¹⁵⁷ Утверждая, что у США «нет прямых дипломатических отношений с Северной Кореей», Дж. Кирби имплицитно конструирует позицию о конфронтации двух государств. С одной стороны, отсутствие дипломатических отношений еще не означает конфликтность ситуации, но, с другой стороны, когда об этом заявляет дипломат для широкой аудитории, то подобная эвфемизация служит больше для выражения вежливости.

Таким образом, для языка дипломатии характерно использование эвфемизмов и других близких им приемов для искажения или смягченного представления действительности. В этом заключается прагматическое воздействие на слушателя. Дипломаты стремятся не вызывать негативной реакции у собеседников, партнеров по переговорам и широкой аудитории. С помощью эвфемизмов возможно не только завуалировать негативное значение того или иного слова или выражения, но и исказить истинный смысл сообщения путем введения адресата в заблуждение. И наоборот, используя оценочную, эмоционально-окрашенную лексику с негативной коннотацией и дисфемизмы, спикеры акцен-

---

¹⁵⁶ Смирнов Г.Н. Этика деловых отношений / Г.Н. Смирнов. 2-е изд. – М. : Изд-во «Проспект». – 2015. – С. 392.

¹⁵⁷ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL :<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

тируют внимание на отрицательных аспектах действительности. И, как мы видим, в устной речи дипломатов широко используется данная стратегия маскировки и тем самым реализуется функция создания видения действительности (интерпретация и ориентация). Эвфемистические обороты являются одним из средств формирования мнения и отношения к политическим событиям. Более мягкие формулировки позволяют оправдать поступки и действия той стороны, которую поддерживает государство, и напротив, используя негативно-окрашенную лексику, выразить осуждение стороне-оппоненту.

Будучи непрямым, смягчающим способом обозначения какого-либо понятия или явления, мы наблюдаем схожий с эвфемизмами другой способ выразительности и образности речи, называемый литотой. Этот прием основан на преуменьшении свойств какого-то предмета или на двойном отрицании.¹⁵⁸

В речевых корпусах отобранных нами текстов мы нашли следующие примеры: «This is something – this is a longstanding practice that we have provided in the past for her travel, and that’s – there’s nothing unusual about that».¹⁵⁹ Автор использует двойное отрицание *there’s nothing unusual about that* и смягчает тем самым свое высказывание вместо того, чтобы сказать «it’s usual», которое звучало бы более резко.

В предложении «That is not at all atypical of what we’ve seen in the past with prior ceasefire/cessation of hostilities attempts, whether we were involved with those announcements or not, and we weren’t always involved with every one in the past» Дж. Кирби использует выражение *That is not at all atypical* вместо «That is at all typical...»,¹⁶⁰ чтобы преуменьшить негативное восприятие ситуации о временном прекращении попыток военных действий.

В целом же литота, используемая в речи официально-делового стиля, придает ей сдержанность и особую осторожность. А также иногда она указыва-

---

¹⁵⁸ Львов М.Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – 2-е изд., исправл. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – С. 206.

¹⁵⁹ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266672.htm>. – 23.06.2017.

¹⁶⁰ Официальный сайт Государственного Департамента США. URL : <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/01/266401.htm>. – 23.06.2017.

ет на осторожность и деликатность говорящего и помогает реализовать в речи функцию создания видения действительности.

Итак, мы проанализировали самые яркие примеры специфических признаков разновидности устного жанра дипломатического дискурса и лингвистические средства, направленные на реализацию его прагматических задач. Проведенный анализ позволил выявить следующее.

Пресс-конференция как устная публичная форма дипломатического дискурса имеет свои отличительные конститутивные признаки и определенную структуру (приветствие, обзор последних событий, анонсирование предстоящих мероприятий, ответы на вопросы, завершение). Спецификой его являются интерактивность и диалогичность: адресант (спикер) и адресат (представители СМИ) участвуют в продуцировании дискурса, так как темы обсуждения определяются не только внешнеполитической ситуацией, но и вопросами представителей СМИ. Другой характерной особенностью является интердискурсивность, т.е. пересечение со смежными дискурсами (политический, военный, масс-медийный и др.) Коммуникативное поведение спикера определяется его ролью в качестве представителя дипломатического ведомства, которая диктует соблюдение профессиональных и этических норм. Выполняя свою коммуникативную задачу представителя госдепартамента, спикер обходит ряд тем-табу, используя определенные языковые приемы, придерживаясь при этом тактики вежливости. В целом общение осуществляется в рамках официально-деловой тональности, однако иногда диалог переходит в неформальное обсуждение некоторых отвлеченных тем. Так как пресс-конференция проводится в режиме реального времени, то в речиспикера выявляются признаки спонтанной речи (оговорки, самоперебивы, повторы и т.д.).

Основной задачей анализируемого дискурса является информативность и отстаивание интересов своего государства. Реализация прагматических установок и оказание определенного воздействия на аудиторию реализуются в дискурсе благодаря обращению к определенным языковым средствам. Так, на синтаксическом уровне речь дипломата характеризуется разнообразием структур

различного типа: простых предложений, сложных, неполных, безличных, вопросительных, восклицательных и т.д. Изложение вопросов повестки брифинга требует объективного, логичного, убедительного изложения, которое реализуется использованием сложных синтаксических конструкций. Так, например, среди сложноподчиненных предложений типичными являются предложения с уступительными и условными придаточными. Это означает, что в дипломатическом дискурсе делается предупреждение о возможном желательном или нежелательном развитии событий при соблюдении ряда условий. В то время как более простые структуры уместны в живом, порой эмоциональном разговоре с целью установления контакта и расположения к себе аудитории. Частое использование безличных и пассивных конструкций, эллипсиса подчеркивает институциональный характер дискурса – спикер озвучивает не собственное мнение, а позицию госдепартамента, сообщает о принимаемых решениях. Тем не менее в ряде случаев дипломат прибегает к более выразительным языковым средствам для усиления эффекта воздействия – различным видам повторов, модальным конструкциям, использованию оценочной лексики, метафоризации, метонимии, эвфемизмов и дисфемизмов и др.

Все перечисленные средства помогают дипломатам – участникам дискурсивного общения – оказывать речевое воздействие на аудиторию и способствуют решению прагматических задач своего государства: обеспечение безопасности, сохранение суверенитета, воздействие на формирование миропорядка, сотрудничество, поиск общих интересов с зарубежными странами и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы предприняли попытку изучить теоретические аспекты существующих на данный момент исследований по проблеме дипломатического дискурса и его языкового оформления, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Говоря о выполненных в настоящем исследовании задачах, следует подчеркнуть, что на основе теоретических работы рассмотрели понятия дипломатии, дискурса и дипломатического дискурса, которые в настоящий момент представляют интерес для лингвистов и других специалистов. В результате сравнения открытой формы дипломатического дискурса с политической разновидностью коммуникации были выявлены их сходства и различия, а описание жанров дипломатической речи и документации позволили лучше понять специфику характерных для дипломатического дискурса языковых особенностей.

В практической части исследования внимание было уделено изучению устной разновидности дипломатического языка, его характерным прагматически нагруженным языковым средствам, функционирующим в речи с целью оказания воздействия. Анализ проводился на основе англоязычного материала американских пресс-конференций, взятых с официального сайта Государственного департамента США с декабря 2016 по апрель 2017 г. Эти материалы представляют собой живую речь в условиях реального общения и не подвергались ранее подобному исследованию. В частности, в ходе пресс-конференций были проанализированы устные ответы спикеров и языковые особенности, оказывающие речевое воздействие на слушателя.

Проведенный нами в ходе исследования лингвистический анализ позволяет сделать вывод о том, что речевое воздействие может носить характер силы различной степени – от обычного информирования слушателя и донесения до него определенной информации, до достаточно жестких средств воздействия на

сознание, включая манипуляцию. Зачастую это воздействие имеет имплицитный характер и не осознается реципиентом.

Как было выявлено, одним из ключевых компонентов публичной дипломатии является взаимодействие официальных лиц с представителями СМИ и их участие в пресс-конференциях. На пресс-конференциях журналисты могут вкладывать свое видение и понимание межнациональных отношений, в чем проявляется такая особенность дипломатии как интердискурсивность. Эффективность дипломатической коммуникации во многом определяется и коммуникативным поведением дипломата, которое должно соответствовать профессиональным нормам и реализовывать коммуникативную задачу. Для этого спикеры прибегают к использованию в своей речи различных языковых средств, выполняющих функцию речевого воздействия, а также к приемам ведения диалога в определенных рамках, умело и тактично избегая тем вне своей компетенции.

Как нам удалось выяснить, эффективными средствами речевого воздействия являются метафоры, метонимия, оценочная лексика, эвфемизмы и дисфемизмы, различные виды повторов, модальные средства, разнообразные синтаксические конструкции.

В ходе анализа нам удалось установить, что благодаря умелому использованию в своей речи всех вышеперечисленных приемов, дипломаты могут усиливать смысловое содержание своей речи, смягчать категоричность и прямолинейность своих высказываний, располагать к себе аудиторию и устанавливать с ней более тесный контакт, а также в нужный момент переключать внимание аудитории и даже навязывать свою точку зрения. Их позиция исходит из того, что мир должен быть таким, каким хотят видеть его Соединенные Штаты.

Мы пришли к выводу, что за счет употребления языковых средств, оказывающих речевоздействующую функцию на реципиента, дипломат может установить более тесный контакт в формальной среде общения, придать дополнительную эмоциональность, упрочить свою коммуникативную позицию и оградить ее от возможного натиска собеседника, а также оказать воздействие на сознание аудитории с целью убеждения в той или иной точке зрения.

Дипломат оперирует большим количеством языковых средств, способствующих его успешной коммуникации с аудиторией. Этот успех во многом определяется тем, насколько данные средства способны затронуть сознание аудитории. В нашем исследовании мы выявили лишь некоторые из них, продемонстрировав наиболее яркие.

На наш взгляд, данная тема исследования требует дальнейшего более детального рассмотрения. В перспективу будущего изучения проблемы прагматического воздействия можно включить более широкий перечень особенностей, как лингвистических, так и экстралингвистических, с тем, чтобы представить более полную картину того, как язык и его компоненты способны оказать влияние на адресата.

Таким образом, настоящее исследование вносит определенный вклад в теорию языковых исследований в целом и в разработку проблем языкового воздействия в частности, способствует лучшему пониманию устной речи носителей английского языка, профессионально занятых в сфере дипломатии, политики и журналистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. / К. Ажеж. – 2-е изд., стереот. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
- 2 Андрианов, М. С. Невербальная коммуникация: психология и право / М. С. Андрианов. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
- 3 Баева, О.А. Ораторское искусство и деловое общение: Учеб. пособие. / О. А. Баева. – 2-е изд., исправл. – Мн.: Новое знание, 2001. – 328 с.
- 4 Бархударов, Л.С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1973. – 422 с.
- 5 Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. – М.: Русские словари, 2015. – 293 с.
- 6 Беляков, М. В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы / М. В. Беляков // Вестник РУДН, серия *Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2012. – № 2. – С. 83 – 92.
- 7 Борунков, А. Ф. Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. – 3-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 264 с.
- 8 Бубнова, И. А. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте / И. А. Бубнова, Л. М. Терентий // Вестник НГУ. – 2012. – № 1. – С. 68 – 75.
- 9 Вебер, Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Вебер; ИГЛУ. – Иркутск, 2004. – 213 с.

- 10 Введенская, Л. А. Деловая риторика: Учебное пособие для вузов. / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – М.: Издательский центр «МарТ», 2004. – 512 с.
- 11 Волкова, Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук :10.02.20 / Т.А. Волкова; ЧелГУ. – Челябинск, 2007. – 23 с.
- 12 Воробьев, В. В. Лингвокультурология: моногр. / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. –336 с.
- 13 Голованова, Д. А. Отрицание в дипломатическом интервью / Д. А. Голованова // ИзвестияВГПУ.– 2014. – Вып. 10 : Сер. Совр.теор. языка. – С. 17 – 22.
- 14 Горбунова, М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – Вып. 27: Сер. Язык. – С. 244 – 247.
- 15 Горохова, Н. В. Проблема многозначности понятия «дискурс» / Н. В. Горохова // Омский научный вестник. – 2014. –Вып. 4 : Сер. Фил. науки.– С. 90 – 93.
- 16 Громыко, А. А. Дипломатический словарь: в 3 т. / А. А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов. – 4-е издан., перераб. и доп. – М.: Наука, 1986 г. – 1680 с.
- 17 Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. – 3-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – 232 с.
- 18 Деловое общение. Деловой этикет: Учеб. пособие для студентов вузов / сост. И. Н. Кузнецов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 431 с.
- 19 Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Издательский центр ИНИОН РАН. – 2002. – Вып. 3 : Сер. Пол. наука. – С. 32 – 43.
- 20 Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты/ под. ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 268 с.

21 Желнова, И. Л. Язык дипломатии в жанровой системе современного русского языка [Электронный ресурс] / И. Л. Желнова. Режим доступа: http://yspu.org/conferences/the_person_in_information_field_2011/Zhelnova.pdf. – 29.04.2017.

22 Золинова, Е.В. Сложноподчиненные предложения с условно-уступительным значением в современном английском языке (на материале публицистики) / Е.В. Золинова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 107 – 110.

23 Каменская, Т. Н. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] / Т. Н. Каменская // Филологические науки : материалы конф. – Гродно, 2012. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm. – 14.05.2017.

24 Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

25 Карнюшина, В. В. Лингвистические средства реализации стратегии дистанцирования в англоязычном политическом дискурсе (на материале брифингов государственного департамента США) / В. В. Карнюшина, А. И. Махина // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации и коммуникации : сб. науч. тр. / М., 2015. – С. 453 – 461.

26 Кафтя, А.И. Сравнительный анализ конституционного и дипломатического дискурсов / А. И. Кафтя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1. – С. 126 – 128.

27 Киров, Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт / Е. Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: сб. ст. – Волгоград, 2004. – С. 16 – 24.

28 Киселева, А. В. Виды стилистических фигур, основанных на принципе синтаксического повтора [Электронный ресурс] / А. В. Киселева // Университетские чтения – 2011: материалы конф. Пятигорск, 2011. – Режим доступа: https://pglu.ru/upload/iblock/c46/uch_2011_v_00002.pdf. – 21.05.2017.

29Кожетева, А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса / А. С. Кожетева// Научный вестник Воронеж. гос.арх.-строит. ун-та. – 2012. – Вып. 1 : Сер. Совр.лингв. и мет.-дид. исслед.– С. 54 – 63.

30Кубрякова, Е.С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

31Кузьмин, Э. Л. Протокол и этикет дипломатического и делового общения / Э. Л. Кузьмин. – М.: ДА МИД России, 1996. – 213 с.

32Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М. : Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1999. – 560 с.

33Курбаналиева, М. М. Соотношение информативности и эмотивности в политическом дискурсе (на материале текстов британских СМИ) [Электронный ресурс] / М. М. Курбаналиева // Филологические науки. Язык, речь, речевая коммуникация : материалы конф. – Дагестан, 2010. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/21_NNP_2010/Philologia/70742.doc.htm. – 17.05.2017.

34Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. –М.: Litres, 2017. – 477 с.

35Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М. : URSS, 2014. – 312 с.

36 Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка) : автореф. дис.... канд. фил. наук : 10.02.04 / И. Ю. Логинова. – С-Пб :ООО «КОПИ-Р», 2004. – 26 с.

37Логунова, К. А. Структурные особенности дипломатических документов / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2. – С. 129 – 133.

38Логунова, К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке. / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12. – С. – 108 – 112.

39 Логунова, К. А. Язык дипломатии как язык для специальных целей / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7.–С. 124 – 126.

40 Львов, М. Р. Риторика. Культура речи / М. Р. Львов. – 2-е изд., исправл. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 272 с.

41 Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

42 Михалькевич, Г. Н. Этикет международного общения: Учеб. пособие / Г. Н. Михалькевич. – Мн.: Книжный Дом, 2004. – 272 с.

43 Николсон, Г. Дипломатическое искусство / Г. Николсон, А. Богомолов. – М. Изд-во инстит. межд. отнош., 1962. – 121 с.

44 Осиповская, Е. А. Пресс-конференция внешнеполитических ведомств России и США как ритуальная форма игры / Е. А. Осиповская // Вестник НГУ. – 2013. – Вып. 10 : Сер.История, филология. Журналистика. – С. 88 – 90.

45 Попов, В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций / В. И. Попов. – 2-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 576 с.

46 Предпосылки возникновения лингвопрагматики. Объект, предмет, цель и задачи лингвопрагматики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mydocx.ru/12-52238.html>. – 28.06.2017.

47 Прокофьев, Г.В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса / Г.В. Прокофьев // Вестник ТГПУ. – 2013. – Вып. 5 : Сер. Язык. – С. 77 – 79.

48 Рамазанова, С. Язык текстов дипломатических сообщений как подструктура языка политической коммуникации / С. Рамазанова // Вестник РУДН. – 2009. – Вып. 4 : Сер.Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – С. 24 – 32.

49 Рыжкова, Л.П. Французская прагматика / Л. П. Рыжкова. – М.: URSS, 2007. –236 с.

50Сардачук, П. Д. Дипломатическое представительство: организация и формы работы / П. Д. Сардачук, О. П. Кулик. –К.: Украина, 2001. – 176 с.

51Сатоу, Э. Руководство по дипломатической практике. Перевод с английского / Э. Сатоу. –М.: Изд-во ИМО, 1961. – С. 496

52Смирнов, Г.Н. Этика деловых отношений / Г. Н. Смирнов. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Проспект». – 2015. – 408 с.

53Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ: сб. науч. стат. / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.

54Солганик, Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик. – 2-е изд. – М.: Академия, 2004. – 256 с.

55 Способы отображения коммуникативных интенций публициста: вводно-модальные конструкции/ под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2012. – 481 с.

56Стернин, И. А. Практическая риторика/ И. А. Стернин. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.

57Тезекбаева, Г.А. Спонтанная речь как объект действительности / Г.А. Тезекбаева // Вестник ВГУ. – 2011. – Вып. 1 : Сер. Филология. Журналистика. – С. 76 – 79.

58Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. –2004. – Вып. 26. – 168 с.

59Терентий, Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 47 – 56.

60Трабелси, Х. Дипломатическая переписка и ее характеристики [Электронный ресурс] //eLibrary.ru : научная электронная библиотека. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18337081&>. – 01.05.2017.

61Трабелси, Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Х. Трабелси; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. –М., 2013. – 201 с.

62Турлова, Е. В. Лингвопрагматические параметры функционирования современного англоязычного учебного дискурса / Е. В. Турлова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – Вып. 1(201) : Сер. Филологические науки. – С. 13 – 18.

63Формановская, Н.И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

64Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 324 с.

65Юхасоо-Лоуренц, К. Тема табу для дипломатов [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ : офиц. сайт. – 21.03.2011. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/social/20110321/167583795.html>. – 28.05.2017.

66Ярославцева, Я. А.Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) / Я. А. Ярославцева, Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2015. – Вып. 3 (53). – С. 182 – 191.

67Barzin, F. The Role of Media Discourse in Diplomatic Behavior [Электронный ресурс] // ijbss.net: офиц. сайт. – 26.04.2016. – Режим доступа: http://ijbssnet.com/journals/Vol_4_No_17_Special_Issue_December_2013/24.pdf. – 26.06.2017.

68Burhanudeen, H. Diplomatic Language: An Insight from Speeches Used in International Diplomacy / H. Burhanudeen // Bangi : Akademika 67, 2006. – 14 p.

69Callus, I. Deconstruction and the undoing of diplomacy [Электронный ресурс] / DiploFoundation : офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа: <https://www.diplomacy.edu/resources/general/deconstruction-and-undoing-diplomacy>. – 14.04.2017.

70Cohen, R. Language and negotiation: a Middle East lexicon [Электронный ресурс] / DiploProjects : офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=yKcHHU2DaPoC&pg=PP2&dq=expression+in+diploma->

[cy&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q=expression%20in%20diplomacy&f=false](https://books.google.ru/books?id=tV9oAgAAQBAJ&pg=PR5&dq=expression%20in%20diplomacy&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q=expression%20in%20diplomacy&f=false). – 19.04.2017.

71Cooper, A. The Oxford Handbook of MODERN DIPLOMACY [Электронный ресурс] / Oxford University Press, 2013. – Режим доступа:

https://books.google.ru/books?id=tV9oAgAAQBAJ&pg=PR5&dq=cliche+in+diplomacy&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q=cliche%20in%20diplomacy&f=false. – 01.04.2017.

72D'Acquisto, G. A linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine / G. D'Acquisto // Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 127 p.

73Denton, R.E. Jr. Political Communication in America / R. E. Jr. Denton, G. C. Woodward // New York: Praeger, 1998. – 366 p.

74Discourse Analysis of EU Public Diplomacy Messages and Practices : сб. статей / сост. S. B. Rasmussen. – Wassenaar : Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2009. – 41 p.

75Huang, L. Stylistic of Diplomatic Language and Diplomatic Translation / L. Huang. – Guangxi : Guangxi University Press, 2002. – 82 p.

76Kapitonova, M. Linguistic Intelligibility in International Communication: the Problem of Standards / M. Kapitonova. - Journal of Siberian Federal University. – 2016. – № 3 : Сер. Humanities & Social Sciences, – P. 604 – 610.

77 Kapitonova, M. The Role of a Text in Modern Professional Diplomatic Communication [Электронный ресурс] / M. Kapitonova // Humanities & Social Sciences : материалы конф. – Красноярск, 2015. – Режим доступа : http://elibrary.ru/download/elibrary_24228194_27580544.pdf. – 27.06.2017.

78Karmel, S. Abu Jaber. LANGUAGE AND DIPLOMACY [Электронный ресурс] / DiploProjects : офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа : <https://www.diplomacy.edu/resources/general/language-and-diplomacy>. – 28.06.2017.

79Kashchyshyn, N. Metaphors in the English Diplomatic Discourse: Their Role and Functions / N. Kashchyshyn //LANGUAGE AND DIPLOMACY : сб. статей. – Msida, 2001.– p. 49 – 54.

80Magambo, C. TRENDS IN DIPLOMATIC COMMUNICATION: A CASE STUDY OF UGANDA/ C. Magambo. – Msida : Malta University Press, 2011. – 81 p.

81Markus, M. INTERACTION AND PERSUASION. Analysis of the use of rhetorical devices in Gordon Brown's speech to the Labour Party Conference, on September 25, 2006 [Электронныйресурс] // politiken.se : офиц. сайт. – Режимдоступа:https://www.researchgate.net/publication/29753466_Interaction_and_Persuasi_on_An_analysis_of_the_use_of_rhetorical_devices_in_Gordon_Brown%27s_speech_to_the_Labour_Party_Conference_on_September_25_2006. – 13.04.2017.

82Matteucci, A. Language and diplomacy – a practitioner's view [Электронныйресурс]/ DiploProjects : офиц. сайт. – 2001.– Режимдоступа:https://books.google.ru/books?id=yKcHHU2DaPoC&pg=PP2&dq=expression+in+diploma-cy&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q=expression%20in%20diplomacy&f=false. – 26.04.2017.

83Mukharyamov, N. Logical and linguistic modalities as performance of the pragmatic function of political and scientific languages / N. Mukharyamov, E. Tajsi-na //ВестникКазанскогогосударственногоэнергетическогоуниверситета. – 2010. – № 1(4). – P. 88 – 97.

84Public Diplomacy / edit. byJ. Melissen. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 246 p.

85Radunovic, Vl. The Role of Information and Communication Technologies in Diplomacy and Diplomatic Service [Электронныйресурс]/ DiploProjects : офиц. сайт. – 2010. – Режимдоступа:<https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/30112010141720%20Radunovic%20%28Library%29.pdf>. – 22.04.2017.

86Scott, B. Persuasion and linguistics: framing an argument [Электронный ресурс] / DiploProjects : офиц. сайт. – 2013. – Режим доступа: <https://www.diplomacy.edu/resources/general/framing-argument>. – 25.06.2017.

87Serracino-Inglott, P. To joke or not to joke: a diplomatic dilemma in the age of Internet [Электронный ресурс] / DiploProjects: офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа : <https://www.diplomacy.edu/resources/general/joke-or-not-joke-diplomatic-dilemma-age-internet>. – 23.04.2017.

88Sharp, P. TALKING TO AMERICANS: PROBLEMS OF LANGUAGE AND DIPLOMACY [Электронный ресурс] / DiploProjects: офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=yKcHHU2DaPoC&pg=PP2&dq=expression+in+diploma-cy&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q=expression%20in%20diplomacy&f=false. – 17.04.2017.

89Slembrouck, S. What Is Meant by Discourse Analysis [Электронный ресурс].UMSL.edu : офиц. сайт. – 2003. – Режим доступа: <http://www.umsl.edu/~wilmarthp/mrpc-web-resources/discourse-analysis.pdf>. – 11.04.2017.

90Stanco, N. Use of language in diplomacy [Электронный ресурс] / DiploProjects: офиц. сайт. – 2001. – Режим доступа: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/Language_Diplomacy_Chapter2.PDF. – 07.04.2017.

91Thomas, J. The Language Diplomats Speak: A Discourse-theoretical Approach to the Negotiations in the EURONEST Parliamentary Assembly / J. Thomas // EU Diplomacy Paper. – 2016. – № 5. – 1 – 32 p.

92Vaxevanidou, M. PUBLIC DIPLOMACY AS A TOOL TO CHANGE THE IMAGE OF A COUNTRY IN CRISIS / M. Vaxevanidou // 2nd International Conference on Communication and Management (ICCM2016). Abstract Book. – 2016. – № 2. – P. 38.

93 Waite, B. Language and democracy [Электронный ресурс] / openDemocracy : офиц. сайт. – 2015. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/ben-waite/language-and-democracy>. – 28.06.2017.

ИСТОЧНИКИ

94 Официальный сайт Государственного Департамента США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/>.

СЛОВАРИ

95 Дипломатический словарь: в 3 т. / под ред. А. А. Громыко, А. Г. Ковалев, П. П. Севостьянов. – М.: Политиздат, 1986. – 1980 с.

96 Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

97 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

98 Лопатин, В.В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 928 с.

99 Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 10 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2010. – 1360 с.

100 Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://vocabulary.ru/termin/podgotovlennaja-rech.html>. – 15.12.2016.

101 ABVYYLingvo 12. Электронный словарь.

102 TheFreeDictionarybyFarlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/protocol>. – 16.06.2017.